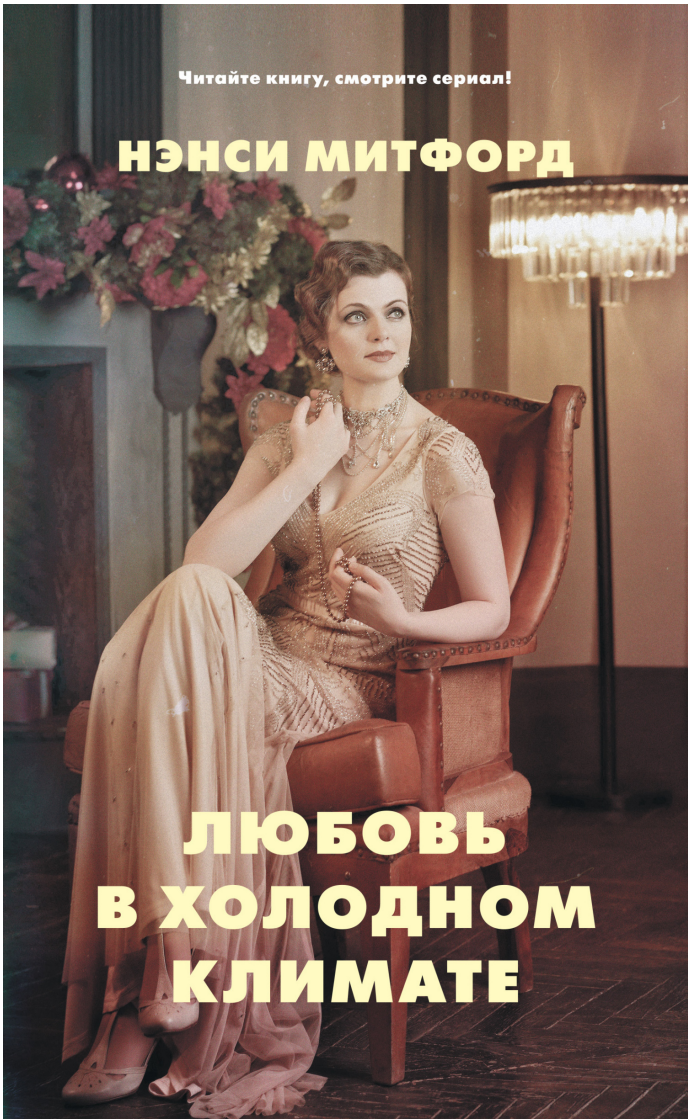

Читайте книгу, смотрите сериал!

НЭНСИ МИТФОРД

**ЛЮБОВЬ
В ХОЛОДНОМ
КЛИМАТЕ**

Нэнси Митфорд

Любовь в холодном климате

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66639118
Любовь в холодном климате: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-134967-7

Аннотация

Полли Хэмптон с детства готовила к идеальному браку ее мать – грозная и амбициозная леди Монтдор. Впрочем, богатая наследница и заметная красавица своего времени, Полли утомлена бесконечными беседами о замужестве, которые ведутся в ее семье. Недавно вернувшись из Индии, она надеется, что блестящее лондонское общество меньше заиклено на вопросах любви.

У отстраненной и равнодушной Полли есть секрет, который навсегда разрушит матримониальные планы ее матери, лишит ее наследства и произведет настоящий скандал в аристократических кругах.

Сможет ли Полли последовать зову сердца и возможна ли любовь в холодном климате?..

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	18
3	30
4	44
5	59
6	73
7	91
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Нэнси Митфорд
Любовь в
ХОЛОДНОМ КЛИМАТЕ

Nancy Mitford

LOVE IN A COLD CLIMATE

© The Estate of Nancy Mitford, 1949

© Перевод. Н. Кудашева, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Часть первая

1

Мне придется начать это повествование с краткого описания семьи Хэмптон, ибо необходимо раз и навсегда заявить: Хэмптоны были не только очень знатны, но и очень богаты. Достаточно заглянуть в книгу пэров Бёрка¹ или в справочник Дебретта², чтобы в этом убедиться. Впрочем, подобные толстые тома не всегда под рукой, а книги по данному предмету, написанные зятем лорда Монтдора Мальшом Дугдейлом, разошлись и больше не переиздаются. Великий талант сноба и слабый литературный дар Мальша произвели три подробных изыскания о предках его жены, но сейчас их можно раздобыть только с помощью букиниста. (Книгопродавец поместит в своей профессиональной газете объявление: «Любые книги почтенного Дугдейла», – и его завалят книжками ценой в шиллинг, а он затем гордо сообщит своему клиенту, что ему «удалось найти то, что вы хотели», намекая на тщательные многочасовые поиски на развалах и

---

¹ В книге пэров Бёрка представлен список пэров Англии и их родословная.

² Справочник Дебретта – справочник о британской королевской семье и других аристократических семьях Соединенного Королевства. Содержит сведения о членах этих семейств, их истории и состояниях.

покупку всех трех книг за бесценок – всего за тридцать шиллингов.) «Джорджиана, леди Монтдор, и ее круг», «Блистательные Монтдоры» и «Старые хроники Хэмптонов» – все эти книги лежат передо мной, пока я пишу, и я вижу, что начальный абзац первой гласит: «Ясным майским утром две дамы, одна темноволосая, другая белокурая, обе молодые и прелестные, быстро ехали на машине в направлении маленькой деревни в Кенсингтоне. Это были Джорджиана, графиня Монтдор, и ее близкая подруга Вальбурга, герцогиня Пэддингтон, которые с восхитительным оживлением обсуждали животрепещущий вопрос: стоит ли жертвовать деньги на прощальный подарок бедной дорогой княгине Ливен³».

Книга посвящена, по милостивому разрешению, ее королевскому высочеству русской великой княгине Санкт-Петербургской и имеет восемь иллюстраций размером во всю страницу. Надо сказать, что, когда эта убийственная трилогия вышла в свет, она была очень популярна у посетителей библиотек.

Семейство Хэмптон известно на западе Англии с давних времен – действительно, Фуллер⁴ в своей книге «Знаменитые люди Англии» упоминает о нем как о весьма старинном.

Бёрк рисует его чуть более древним, чем это делает Де-

---

³ Дарья Христофоровна Ливен (1785–1857) – княгиня, тайный агент русского правительства в Лондоне и Париже. Вошла в историю как первая русская женщина-дипломат.

⁴ Томас Фуллер (1608–1661) – английский историк, богослов, писатель, доктор богословия в Кембридже.

бретт, но оба погружаются в туманную глубину Средневековья, выживая оттуда предков с именами в духе П.Г. Вудхуса – всех этих Угов, Бертов и Тредов, – и с судьбами в духе Вальтера Скотта. «Его светлость был приговорен к смерти с лишением гражданских и имущественных прав... обезглавлен... осужден... объявлен вне закона... сослан... вывлочен из тюрьмы разъяренной толпой... убит в битве при Креси⁵... пошел ко дну вместе с «Белым кораблем»⁶... погиб во время третьего Крестового похода... убит на дуэли». В те давние смутные дни отмечалось очень мало смертей от естественных причин. И Бёрк, и Дебретт с явным наслаждением задерживаются на столь чистопородном предмете, как эта семья, не испорченная двусмысленностями женской линии и односторонних обязательств⁷. И никакие вышедшие в XIX веке отвратительные книжки, посвященные историческим исследованиям и имеющие целью опорочить титулованное дворянство, не делают этот предмет менее чистопородным. Высокие златокудрые бароны, рожденные в законном браке и все очень похожие друг на друга, сменялись в Хэмптоне, на землях, которые никогда не покупались и не

---

⁵ Битва при Креси (1346) – одно из важнейших сражений Столетней войны, произошедшее в Северной Франции и ознаменовавшее конец рыцарства.

⁶ «Белый корабль» потерпел крушение 25 ноября 1120 года в проливе Ла-Манш у берегов Нормандии, при этом погибло большое число англонормандских аристократов.

⁷ Одностороннее обязательство – юридическая процедура в Британии, в ходе которой человек легально и официально меняет фамилию.

продавались, пока в 1770 году тогдашний лорд Хэмптон не привез из поездки в Версаль невесту-француженку, некую мадемуазель де Монтдор. У их сына были карие глаза, смуглая кожа и предположительно (ибо на всех его портретах они напудрены) черные волосы. Эта чернота в семье не сохранилась – он женился на златокудрой богатой наследнице из Дербишира, и Хэмптоны вернулись к своей голубоглазой и златовласой внешности, присущей им и по сей день. Сын француженки был довольно умен и весьма искушен житейски, баловался политикой и написал книгу афоризмов. Большая и многолетняя дружба с принцем-регентом обеспечила ему, кроме прочих милостей, титул графа. Поскольку вся семья его матери погибла во Франции во времена террора, он взял в качестве титула ее фамилию. Неимоверно богатый, он и тратил неимоверно много. Имея вкус к французским произведениям искусства, он за годы, последовавшие за Французской революцией, приобрел прекрасную коллекцию таких вещей, включая многие предметы королевской обстановки и другие, которые были разграблены из Отель де Монтдор на рю де Варенн. Чтобы создать подходящую оправу для этой коллекции, он затем приступил к сносу большого невзрачного дома в Хэмптоне, который Адам⁸ построил для его дедушки, и к переносу в Англию, камень за камнем (что, как известно, делают современные американские миллионе-

---

⁸ Уильям Адам (1689–1748) – шотландский архитектор, каменщик, основоположник неоклассического стиля и законодатель архитектурной моды.

ры), готического французского шато. Это шато он скомпоновал вокруг роскошной башни, спроектированной им самим, обшил стены комнат французскими панелями и шелком и окружил постройку регулярным садом, который тоже спроектировал и высадил сам. Все это было очень величественно, совершенно безумно и в период между двумя войнами, о котором я пишу, очень старомодно. «Может быть, это и красиво, – говорили люди, – но, откровенно говоря, я не в восторге».

Этот лорд Монтдор также построил Монтдор-хаус на Парк-лейн в Лондоне и замок на скале в графстве Абердиншир. Он, пожалуй, и впрямь был самым интересным и оригинальным персонажем, какого произвела эта семья, но основательность была присуща всем ее членам без исключения. Солидного, заслуженного, могущественного Хэмптона можно найти на любой странице английской истории, его влияние на западе Англии колоссально, а к его советам прислушиваются и в Лондоне.

Традицию продолжил отец моей подруги Полли Хэмптон. Если бы англичанин мог происходить от богов, то это был бы он – настолько типичный английский аристократ, что тот, кто верил в аристократическое правление, всегда бы мог в подтверждение своих доводов указать на него. В самом деле, все ощущали, что, если бы было больше подобных людей, страна бы не находилась в нынешнем своем беспорядке, причем даже социалисты признавали его превосходство,

что могли себе позволить, поскольку он был такой один и делал успехи. Гуманитарий, христианин, джентльмен, самый искусный стрелок на Британских островах, самый красивый генерал-губернатор, какого мы когда-либо посылали в Индию, популярный помещик, столп консервативной партии – словом, чудесный старик, который никогда не делал и не подразумевал ничего банального. Мы с моей кузиной Линдой, две непочтительные маленькие девочки, чье мнение не имеет никакого значения, всегда считали его чудесным старым плутом, и нам казалось, что настоящее значение в том доме имела леди Монтдор. Вот она-то как раз всегда поступала банально и была чрезвычайно непопулярна. Ее не любили в той же степени, в какой обожали ее мужа, и потому вина за любые его поступки, которые могли выглядеть не вполне достойными или не очень соответствовали его репутации, немедленно возлагалась на нее. «Конечно, это же она заставила его так поступить». С другой стороны, я часто задавалась вопросом: не тирань она его и не подталкивай, не плети интриги и не злоумышляй ради него, не «заставляй его так поступать», то есть, по сути дела, без помощи тех самых качеств, которые вызывали такую к ней нелюбовь, без ее толстой кожи, честолюбия и безграничной побуждающей энергии совершил бы он когда-нибудь хоть что-то заметное в мире?

Это не общепринятая точка зрения. Мне говорили, что к тому времени, когда я по-настоящему его узнала, после их

возвращения из Индии, он был уже стар, изнеможен и оставил борьбу, но в расцвете сил держал под контролем не только судьбы людей, но и вульгарность своей жены. Был в лорде Монтдоре некий мишурный блеск, не имевший отношения к возрасту. Внешне он, безусловно, был очень привлекателен, но это была пустая красота, подобная красоте женщины, лишенной сексапильности. Он и стариком выглядел прекрасно, однако мне казалось, что, хотя лорд Монтдор по-прежнему регулярно бывал в Палате лордов, посещал Тайный совет⁹, заседал во всевозможных комитетах и часто появлялся в списке награжденных по случаю дня рождения короля¹⁰, он с тем же успехом мог бы быть сделан из чудесного старого картона.

Леди Монтдор, однако, была вполне себе из плоти и крови. Урожденная мисс Перрот, красивая дочь сельского сквайра с небольшими средствами и невысоким общественным положением. Ее брак с лордом Монтдором был гораздо более выгодным, чем тот, на который она могла обоснованно рассчитывать. С течением времени, когда ее суетная алчность и снобизм, ужасная неослабная вульгарность вошли в поговорку и стали предметом многих легендарных сказаний, сложилось мнение о ее то ли низком, то ли заокеанском про-

---

⁹ Тайный совет Великобритании – орган советников британского короля. Изначально был могущественным учреждением Британской империи, однако в настоящее время носит во многом церемониальный характер.

¹⁰ Ежегодно в день рождения британского монарха воздаются особые почести ряду британцев за их достижения или хорошую работу.

исхождении. Но на самом деле она была из очень родовитой семьи и получила приличное воспитание, как и подобало настоящей леди, так что при отсутствии смягчающих обстоятельств ей следовало бы соображать, как себя вести.

Несомненно, ее необузданная вульгарность стала с годами более очевидной и менее управляемой. Но как бы то ни было, муж, похоже, никогда этого не замечал, и брак их был успешным. Леди Монтдор побудила супруга заняться общественной карьерой, плоды которой он мог вкушать без особых усилий, поскольку она положила своей обязанностью следить за тем, чтобы он был окружен оравой умелых подчиненных. И хотя лорд Монтдор притворялся, что презирает светскую жизнь, которая составляла смысл существования его жены, он весьма изящно с этой жизнью примирился, развив природный талант к приятному разговору и принимая как должное тот факт, что люди им восхищаются. «Ну разве лорд Монтдор не чудо? Соня – это, конечно, дурная шутка, но сам он такой блестящий, такой душка. Я его обожаю».

Любимым делом было делать вид, что они приходят в дом Монтдоров исключительно благодаря ему. Но это было отъявленным вздором, потому что оживленность и веселье званных вечеров леди Монтдор не имели к старому лорду ни малейшего отношения, и какой бы ненавистной во многих отношениях его супруга ни была, она достигла вершин в качестве хозяйки.

Словом, они были счастливы вместе и прекрасно подхо-

дили друг другу. Но их супружескую жизнь годами омрачала серьезная неприятность: у них не было детей. Лорд Монтдор был недоволен, потому что, естественно, хотел иметь наследника, а также по сентиментальным соображениям. Леди Монтдор переживала неистово. Помимо мечты о наследнице, ей была ненавистна любая форма провала, она не выносила, когда ее планы срывались, и жаждала объекта, на котором могла бы сосредоточить ту энергию, что не была поглощена обществом и карьерой мужа. Они были женаты почти двадцать лет и совершенно расстались с мыслью иметь ребенка, как вдруг леди Монтдор начала чувствовать себя хуже, чем обычно. Она не обратила на это внимания, продолжая свои обычные занятия, и лишь за два месяца до родов осознала, что у нее будет ребенок. Она была достаточно умна, чтобы избежать насмешек, неизбежных в такой ситуации, сделав вид, что хранила секрет намеренно, поэтому, вместо того чтобы покатываться со смеху, все сказали: «Ну, разве Соня не абсолютно феноменальна?»

Я знаю об этом по рассказам своего дяди Дэви Уорбека. На протяжении многих лет, сам страдая или испытывая наслаждение от большинства недугов из медицинского словаря, он был весьма сведущ в больничных сплетнях.

Тот факт, что родившийся ребенок оказался девочкой, кажется, никогда и нисколько не беспокоил Монтдоров. Поскольку при рождении Полли леди Монтдор еще не было сорока, родители, видимо, поначалу не смотрели на нее как на

единственного ребенка, а к тому времени, как поняли, что других у них никогда не будет, они уже так сильно ее любили, что сама идея, будто она могла бы быть мальчиком, стала немыслимой. Естественно, им бы хотелось иметь мальчика, но только если бы он существовал наряду с Полли, а не вместо нее. Она была их сокровищем, центром мироздания.

Полли Хэмптон была красива, и эта красота стала ее выдающейся чертой. Она была из тех людей, о которых вы не можете думать в отрыве от их внешности, что в ее случае не менялась и не зависела от одежды, возраста, обстоятельств, и даже от состояния здоровья. Будучи больной или усталой, Полли просто выглядела слабой, но никогда желтой, поблекшей или исхудавшей. Она была рождена красавицей и на протяжении того времени, что я ее знала, не вяла, не дурнела, а, напротив, хорошела год от года. Красота Полли и знатность ее семьи – ключевые элементы этого повествования. Но хотя Хэмптонов можно изучить по различным справочникам, мало будет толку, если обратиться к номерам гламурного журнала «Татлер» и увидеть Полли глазами фотографов Ленара и Дороти Уайлдинг. Ее телесный облик, конечно, там присутствует, чудовищные шляпки и старомодные позы не могут его скрыть. Костяк, формы, черты лица всегда само совершенство. Но красота в конце концов – это нечто большее. Тело смертно и тленно, после разложения плоти остаются только кости, а красота – штука живая, скользящая по поверхности: синеватые тени на нежной коже,

волосы, золотыми локонами ниспадающие на белый гладкий лоб – она воплощается в движении, улыбке, а больше всего во взгляде красивой женщины. Взгляд у Полли был голубой вспышкой – в жизни не видела ничего столь голубого и столь неожиданного. Он был удивительно не связан со зрением: казалось невозможным поверить, что эти непрозрачные голубые камни наблюдают, усваивают или делают что-то еще, кроме как источают благодать на того, в чью сторону устремлены.

Неудивительно, что родители обожали Полли. Даже леди Монтдор, которая была бы ужасной матерью некрасивой девочке или эксцентричному, своенравному мальчишке, без труда удавалось быть идеальной по отношению к ребенку, оказывавшему ей, как казалось, большую честь перед лицом мира и венчавшему ее амбиции – венчавшему, пожалуй, буквально. Полли всегда предназначали для незаурядного замужества. Разве не рисовалось воображению леди Монтдор нечто очень величественное, когда она нарекла дочь Леопольдиной? Не имело ли это имя королевского, смутно кобургского¹¹ привкуса, который может однажды оказаться весьма кстати? Не мечтала ли она об алтаре в Вестминстерском аббатстве, об архиепископе, о голосе, произно-

---

¹¹ Саксен-Кобург-Готская династия вступила на британский трон после смерти королевы Виктории в 1901 г., когда королем стал Эдуард VII – ее сын от Альберта Саксен-Кобург-Готского. В конце Первой мировой войны сын и наследник Эдуарда Георг V избавился от немецкого названия, переименовав династию из Саксен-Кобург-Готской в Виндзорскую.

сящем: «Я, Альберт Эдвард Кристиан Джордж Эндрю Патрик Дэвид, беру в жены тебя, Леопольдина»? В этой мечте не было ничего невозможного. С другой стороны, не могло быть ничего более английского, здорового и незатейливого, чем имя «Полли».

* * *

Нас с моей кузиной Линдой Рэдлетт с самого раннего детства приглашали поиграть с Полли, поскольку, как это часто бывает с родителями единственного ребенка, Монтдоры были всегда сильно озабочены ее возможным одиночеством. Я знаю, что мою приемную мать тетю Эмили терзали такие же опасения, и она пошла бы на что угодно, лишь бы не держать меня при себе одну во время каникул. Хэмптон-парк расположен неподалеку от поместья Алконли, где жила Линда, и они с Полли, будучи примерно одного возраста, казалось бы, были обречены стать лучшими подругами. Однако по какой-то причине девочки никогда не были особенно привязаны друг к другу, да и леди Монтдор не любила Линду, и как только та освоила азы общения, объявила ее разговоры «неподходящими». Я как сейчас вижу Линду за ланчем в большой столовой Хэмптона (той самой столовой, в которой я в разные периоды своей жизни бывала так объята ужасом, что самый ее запах, столетний букет, сохранившийся после дорогой еды, дорогого вина, дорогих сигар и дорогих жен-

щин, до сих пор действует на меня, как запах крови на животное), слышу ее певучий рэдлеттовский голос:

– У тебя когда-нибудь были глисты, Полли? У меня были, и ты представить себе не можешь, какие они беспокойные. А потом – о, самое интересное! – пришел доктор Симпсон и стал их гнать. Ну, ты же знаешь, что док Симп всегда был любовью моей жизни, так что сама понимаешь...

Это было слишком для леди Монтдор, и Линду больше никогда не приглашали. Но я приезжала к ним примерно на неделю почти в каждые каникулы, отсылаемая туда по пути в Алконли или обратно, как часто проделывают с детьми, никогда не спрашивая, нравится ли им это и хотят ли они поехать. Мой отец приходился лорду Монтдору родственником по материнской линии. Я была благовоспитанным ребенком и, видимо, нравилась леди Монтдор, во всяком случае, она, должно быть, считала меня «подходящей» (это слово присутствовало в ее словаре на видном месте), потому что в какой-то момент встал вопрос о моем переезде туда на целый семестр, чтобы делать с Полли уроки. Однако когда мне исполнилось тринадцать, они уехали управлять Индией, после чего Хэмптон и его владельцы стали для меня туманным, хотя и всегда тревожным воспоминанием.

2

К тому времени как Монтдоры вместе с Полли вернулись из Индии, я выросла и уже провела в Лондоне один светский сезон. Мать Линды, моя тетя Сэди (леди Алконли), вывозила меня в свет вместе с Линдой. Иными словами, мы побывали на нескольких балах дебютанток, где все молодые люди были такими же юными и такими же робкими, как и мы сами. Все это имело сильный привкус детской неудачи, было совершенно не похоже на реальный мир и так же мало готовило к нему, как детские утренники. К концу лета Линда стала обрученной невестой, а я вернулась домой в Кент, к другим своим родственникам – тете Эмили и дяде Дэви, которые освободили моих разведенных родителей от скуки и бремени воспитания ребенка.

Дома я скучала, как это бывает с молодыми девушками, когда у них впервые нет ни уроков, ни вечеринок, чтобы занять ум, а затем однажды посреди этой скуки пришло приглашение погостить в октябре в Хэмптоне. Я сидела в саду, и тетя Эмили вышла ко мне с письмом от леди Монтдор в руке.

– Леди Монтдор говорит, там соберется довольно взрослое общество, большей частью «молодые женатые пары», но она хочет, чтобы именно ты составила компанию Полли. Конечно, для вас, девушек, будут двое молодых людей. О, какая жалость, что сегодня Дэви вздумалось напиться. Я горю

нетерпением рассказать ему, он так заинтересуется.

Впрочем, ей пришлось подождать. Дэви был мертвецки пьян, и его храп разносился по всему дому. Приступы нетрезвости у моего дяди не были проявлениями порочности, а носили чисто терапевтический характер. На самом деле он следовал новой оздоровительной системе, весьма модной, как он нас заверял, в то время на континенте.

– Цель в том, чтобы разогреть железы серией ударов. Худшая в мире вещь для тела – утихомириться и вести тихую, незаметную жизнь, состоящую из правильных привычек. Если вы так поступите, оно вскоре покорится старости и смерти. Встряхните свои железы, заставьте их реагировать, вспомнить юность, держите в постоянном напряжении, чтобы они никогда не знали, чего ожидать в следующий момент, и им придется сохранить молодость и здоровье, чтобы противостоять всем сюрпризам.

В соответствии с этим он попеременно то голодал, как Ганди, то объедался, как Генрих VIII, то совершал десяти-мильные прогулки, то лежал весь день в постели, дрожал в холодной ванне или потел в горячей. Никакой умеренности.

– А еще очень важно периодически напиваться.

Дэви, однако, был таким человеком, который мог заменить полезные привычки вредными не иначе, как в строгом порядке, поэтому он всегда напивался в полнолуние. Находясь когда-то под влиянием Рудольфа Штайнера, он по-прежнему очень серьезно относился к росту и убыванию лу-

ны и, судя по всему, предполагал, что рост и убывание емкости его желудка совпадает с лунными фазами.

Дядя Дэви был единственным звеном, связывавшим меня с миром – не с миром детских неудач, а непосредственно с большим грешным миром. Обе мои тетки отrekliсь от этого мира в раннем возрасте, так что для них его существование было практически нереальным, тогда как их сестра, моя мать, уже давным-давно исчезла в его утробе. Дэви, однако, имел к нему своеобразное пристрастие и частенько совершал туда маленькие холостяцкие вылазки, из которых возвращался с мешком интересных баек. Я не могла дожидаться возможности поболтать с ним о новом повороте событий в моей жизни.

– Ты уверена, что он сильно пьян, тетя Эмили?

– Совершенно уверена, дорогая. Придется отложить это до завтра.

Между тем, поскольку тетя всегда отвечала на письма с обратной почтой, она написала Монтдорам и приняла приглашение. Но на следующий день, когда Дэви, совершенно зеленого цвета и с жуткой головной болью, вновь появился («О, но это же замечательно, разве вы не видите? Какой вызов метаболизму! Я только что говорил с доктором Ингландом, и он весьма удовлетворен моей реакцией»), он был полон сомнений относительно того, что она правильно поступила, дав это согласие.

– Моя дорогая Эмили, дитя умрет от ужаса, вот и все. –

Он изучал письмо леди Монтдор. Я очень хорошо знала, что его слова – правда, знала это в глубине души с той самой минуты, как тетя Эмили зачитала мне письмо, но тем не менее была полна решимости поехать, эта идея сияла для меня очарованием.

– Я уже не ребенок, Дэви, – сказала я.

– В Хэмптоне от ужаса прежде погибали и взрослые люди, – ответил он. – Двое молодых людей для Фанни и Полли, скажут тоже! Скорее, двое престарелых любовников двух леди из тамошних старушек, если я что-нибудь в этом понимаю. Что ты на меня так смотришь, Эмили? Если ты намереваешься запустить этого бедного ребенка в высшее общество, то, знаешь ли, должна отослать ее, вооружив знанием неких жизненных реалий. Но я, право, не понимаю твоей стратегии. Сначала ты заботишься о том, чтобы она встречалась только с самыми что ни на есть безопасными людьми, твердо направляешь ее корабль в сторону Понт-стрит¹² – достойная позиция, не думай, что я против нее хоть на мгновение, – а затем ни с того ни с сего выталкиваешь ее на хэмптоновские скалы и ожидаешь, что она сможет выплыть.

– Твои метафоры, Дэви... это все влияние алкоголя, – сердито, что вообще-то было ей несвойственно, заявила тетя Эмили.

– Оставь в покое алкоголь и позволь мне обрисовать бед-

---

¹² Понт-стрит – модная улица в Королевском районе Кенсингтон и Челси в Лондоне.

няжке Фанни картину. Прежде всего, дорогая, должен объяснить, что не стоит рассчитывать, будто эти предполагаемые молодые люди будут развлекать вас, потому что они не станут тратить время на маленьких девочек, это совершенно ясно. А уж кто там непременно будет, так это Распутный Рассказчик, и поскольку вы, вероятно, все еще в интересующей его возрастной группе, то нетрудно предположить, какие игры и развлечения вам предстоят.

– О Дэви, – поморщилась я, – ты ужасен.

Распутным Рассказчиком был Малыш Дугдейл. Дети Рэдлеттов наградили его этим прозвищем после того, как он однажды читал лекцию в Женском институте тети Сэди. Лекция, похоже, была очень скучной (меня тогда там не было), но то, что лектор вытворял потом с Линдой и Джесси, было совсем не скучно.

– Ты же знаешь, какой замкнутой жизнью мы живем, – рассказывала Джесс в мой очередной приезд в Алконли. – Естественно, возбудить наш интерес совсем несложно. Например, ты помнишь того милого старичка, который приезжал читать лекцию о дорожных заставах Англии и Уэльса? Это было нудновато, но нам понравилось... Он, кстати, опять приезжает, будет рассказывать о сельских грунтовых дорогах. Ну а темой лекции Распутного Рассказчика были герцогини, и, конечно же, приятнее слушать о людях, чем о воротах. Но самое увлекательное было после лекции, когда он дал нам представление о сексе, подумай только, до чего

захватывающе. Он отвел Линду на крышу и проделывал с ней всякие чудесные вещи. По крайней мере она с легкостью поняла, какими чудесными они были бы, будь на месте Рассказчика кто-либо другой... А я получила несколько грандиозных эротических прикосновений, когда он проходил мимо детской. Признайся же, Фанни, что это захватывающе.

Конечно, моя теть Сэди ни о чем подобном не подозревала, она была бы просто шокирована. Они с дядей Мэттью всегда очень не любили мистера Дугдейла. Говоря о лекции, теть сказала, что, как и следовало ожидать, та оказалась претенциозной, скучной и неуместной для деревенской аудитории, но заполнять программу Женского института в этой отдаленной местности из месяца в месяц очень трудно, и поэтому, когда мистер Дугдейл написал и вызвался приехать, она подумала: «О, слава богу!» Несомненно, она предположила, что дети прозвали его Распутным Рассказчиком скорее в переносном, чем в прямом смысле слова, и действительно, когда дело касалось Рэдлеттов, ни в чем нельзя было быть уверенным. Почему, например, Виктория имела обыкновение реветь, как бык, и яростно набрасываться на Джесси всякий раз, когда та, указывая на нее пальцем, произносила особым тоном и с особым взглядом: «Представляешь»? Думаю, они и сами вряд ли знали.

Вернувшись домой, я поведала Дэви о Рассказчике, и он хохотал во все горло, но сказал, что нельзя проболтаться об этом тете Эмили, а не то будет страшный скандал, и един-

ственной, кто действительно пострадает, станет леди Патриция Дугдейл, жена Малыша.

– Ей и так со многим приходится мириться, – добавил он, – и к тому же какая от этого польза? Эти Рэдлетты, сами того не сознавая, явно движутся от одной нелепости к другой. Бедная дорогая Сэди, к счастью для себя, просто не понимает, что делает.

Все это произошло за год или два до описываемых мной событий, и прозвище Малыша Дугдейла «Рассказчик» закрепилось в семейном лексиконе, так что никто из нас, детей, а за нами и взрослых, никогда не называл его как-то еще, хотя тетя Сэди для проформы иногда выражала невнятный протест. Похоже, прозвище ему прекрасно подходило.

– Не слушай Дэви, – сказала тетя Эмили. – Он в очень капризном настроении. В следующий раз будем ждать ущербной луны, чтобы рассказывать ему такие вещи. Я заметила: он бывает по-настоящему разумен, только когда постится. А сейчас, Фанни, нам надо подумать о твоём наряде. Вечеринки у Сони всегда такие шикарные. Полагаю, они наверняка будут переодеваться к чаю. Как ты думаешь, если мы перекрасим твоё аскотское¹³ платье в приятный темно-красный тон, это подойдет? Хорошо, что у нас впереди еще месяц.

Мысль о месяце впереди и впрямь была утешительной. Хотя я намеревалась ехать на это званое мероприятие, сама

---

¹³ Аскот – населенный пункт в Англии, где ежегодно проходят Королевские скачки – самое яркое событие британского светского календаря.

мысль о поездке заставляла меня дрожать от страха, как осинный лист. И не столько из-за поддразниваний Дэви, сколько оттого, что давние воспоминания о Хэмптоне теперь начали вновь набирать силу – воспоминания о моих детских визитах туда и о том, как мало удовольствия я от них получала. Нижний этаж дома нагонял на меня полнейший ужас. Казалось бы, ничто не может напугать человека, привычного, как я, к нижнему этажу, обитателем которого был мой дядя Мэттью Алконли. Но тот необузданный людоед, пожира-тель маленьких девочек, ни в коем случае не был ограничен одной частью дома. Он ревел и бушевал по всему пространству, и, в сущности, безопаснее всего, когда дело касалось дяди, было находиться в гостиной тети Сэди на нижнем этаже, поскольку только она умела как-то его обуздывать. Ужас Хэмптона был иного свойства, ледяной и бесстрастный, и он царил только на нижнем этаже. Вас заставляли спускаться туда после чая, вымытую, в оборках и кудряшках, когда вы были маленькой, или в аккуратном платице, когда становились постарше, – в тамошнюю Длинную галерею, где находилось множество взрослых, обычно игравших в бридж. Самое плохое в бридже то, что один из четверых игроков за карточным столиком всегда вправе свободно расхаживать и говорить маленьким девочкам добрые слова.

Тем не менее слишком сильно отвлекаться от карт было все-таки нельзя, и мы могли сидеть на длинной белой шкуре полярного медведя перед камином, разглядывая книгу с

картинками, прислоненную к его голове, или просто болтать друг с другом, пока не наступало долгожданное время идти спать. Довольно часто случалось, однако, что лорд Монтдор или Малыш Дугдейл, если он был там, бросали игру, чтобы развлечь нас. Лорд Монтдор имел обыкновение читать вслух из Ганса Христиана Андерсена или Льюиса Кэрролла, и было в его манере чтения нечто такое, что заставляло меня поживать от тайного смущения. Полли устраивалась, положив головку на голову медведя, не воспринимая, как я была уверена, ни единого слова. Было гораздо хуже, когда Малыш Дугдейл устраивал игру в прятки или сардинки¹⁴ – эти игры он особенно любил и играл, как мы с Линдой это называли, в «дур-р-рацкой» манере. Слово «дурацкий», произносимое таким образом, имело особое значение в нашем языке, когда мы с Рэдлеттами были маленькими, но только после лекции Рассказчика мы поняли, что Малыш Дугдейл был не столько недалеким, сколько распутным.

Пока бридж был в разгаре, мы по крайней мере были избавлены от внимания леди Монтдор, которая не видела ничего, кроме карт. Но если в доме случайно не оказывалось партнеров по бриджу, она заставляла нас играть в «Скачущего демона» – сложную карточную игру, вызывавшую у меня чувство неполноценности, потому что я меняю карты слишком медленно.

– Поторопись, Фанни – мы ведь все ждем эту семерку. Не

---

¹⁴ Сардинки – вариант игры в прятки.

будь такой мечтательной, дорогая.

Она всегда выигрывала с крупным счетом, никогда не упуская своего. Она также никогда не упускала ни одной детали в чьей-либо внешности: потрепанной пары домашней обуви, не вполне подходящих друг к другу чулок, слишком короткого или слишком тесного платица, из которого я, в сущности, выросла, – все это заносилось на мой счет.

Так было внизу. Наверху же было подходяще, во всяком случае, там можно было не бояться вторжений. Детскую занимали няни, классную комнату – гувернантки, и ни одна из этих комнат не подлежала визитам Монтдоров, которые, когда хотели видеть Полли, посылали за ней. Но там было довольно тоскливо, совсем не так весело, как гостить в Алконли. Никакого бельевого чулана – заветного места наших ребячьих сходов, никаких непристойных разговоров, никаких вылазок в леса, чтобы спрятать стальные капканы или убрать ловушки от звериных нор, никаких гнезд с летучими мышатами, которых мы кормили из авторучки тайком от взрослых, имевших нелепые представления, что летучие мыши покрыты паразитами или могут вцепиться тебе в волосы. Полли была маленькой замкнутой пай-девочкой, которая проживала день на манер испанской инфанты, подчиняясь ритуалу, распорядку, соблюдая все требования этикета. Ее нельзя было не любить, она была красива и дружелюбна, но близко к себе не подпускала.

Она была прямой противоположностью Рэдлеттов, кото-

рые болтали без умолку. Полли никогда не болтала, а если ей и было что рассказать, то она не спешила делиться сокровенным. Как-то раз лорд Монтдор читал нам сказку о Снежной королеве (я слушала через силу – уж слишком много экспрессии он в нее вкладывал), и, помнится, мне пришла в голову мысль, что это, вероятно, написано про Полли – у нее в сердце явно застрял осколок зеркала. Что она любила? Это оставалось для меня великой загадкой. Мы с моими кузенами изливали любовь друг на друга, на взрослых, на всевозможных животных и, самое главное, на персонажей (часто исторических или даже вымышленных), в которых были влюблены. В нас не было скрытности, и мы знали все, что только можно, о чувствах друг друга ко всем остальным существам, будь они реальные или воображаемые. Потом еще были пронзительные вопли. Мы взвизгивали от смеха и счастья и просто от хорошего настроения, и этот визг постоянно раздавался в Алконли, кроме тех редких случаев, когда проливались потоки слез. В этом доме были либо взвизги, либо слезы – чаще взвизги. Но Полли не рыдала и не взвизгивала, и я никогда не видела ее в слезах. Она была всегда одинаковой – очаровательной, приятной и покладистой, вежливой, с интересом слушающей других, довольно весело смеющейся их шуткам, но все это в меру, без избытка, и определенно без всякой доверительности.

Итак, до визита, к которому я испытывала столь неопределенные чувства, оставалось около месяца. Наконец эти дни

пролетели, и вот уже сейчас, сегодня, сию минуту я сижу в большом черном «даймлере», который кружит меня по окрестностям Оксфорда. Какое счастье, что я была в одиночестве и передо мной лежал долгий, около двадцати миль, путь. Я хорошо знала эту дорогу, потому что мы охотились в этой местности. Почтовую бумагу леди Монтдор венчала надпись: «Хэмптон-плейс, Оксфорд, станция Твайфолд». Но Твайфолд с пересадкой и часовым ожиданием в Оксфорде, которое входило в маршрут, предназначался исключительно для тех, кто никогда бы не сумел оплатить леди Монтдор той же монетой. Любой, к кому она питала хоть малейшее уважение, был встречаем в Оксфорде. «Всегда будь корректна с девушками; кто знает, за кого они могут выйти замуж» – этот афоризм многих английских старых дев избавил от участи индийских вдов¹⁵.

Итак, я беспокойно ерзала на сиденье, забившись в угол машины, и вглядывалась в густо-синие осенние сумерки, от души жалея, что не могу спокойно сидеть дома или поехать в Алконли или куда угодно, только не в Хэмптон. За окном мелькали хорошо знакомые места, становилось все темнее и темнее, но я прекрасно видела Мерлинфордскую дорогу с большим дорожным указателем. Затем, через секунду, или, во всяком случае, так мне показалось, мы уже заворачивали в ворота парка. О, ужас! Я приехала.

---

¹⁵ В соответствии с похоронной традицией индуизма вдова подлежит сожжению вместе с покойным супругом на погребальном костре.

3

Хруст гравия; мотор машины мягко затих, и точно в этот момент парадная дверь отворилась, бросив к моим ногам полосу света. Когда я переступила порог, мною занялся дворецкий – помог снять шубу изнутри (подарок Дэви в честь начала моих выездов в свет) и провел через холл, под огромной крутой готической двухмаршевой лестницей, сотня ступеней которой вела чуть ли не до неба, сходясь у мраморной группы, изображающей горести Ниобы¹⁶, через восьмиугольный вестибюль, зеленую и красную гостиные – в Длинную галерею, где он очень громко и четко произнес мое имя (даже не спросив его у меня), после чего удалился.

Длинная галерея была, как всегда на моей памяти, полна гостей. В этот раз их было, пожалуй, человек двадцать или тридцать. Некоторые сидели вокруг чайного столика у каминна, тогда как другие стояли, наблюдая за игрой в триктрак. Эту группу составляли, без сомнения, «молодые женатые пары», о которых леди Монтдор упоминала в своем письме. На мой взгляд, однако, они были далеко не молоды, примерно возраста моей матери. Они щебетали, как скворцы на дере-

---

¹⁶ Ниоба – супруга фиванского царя Амфиона – имела семь сыновей и семь дочерей. Похвалялась своими детьми перед подругой Лето, у которой было только двое – Аполлон и Артемида. Раздраженная высокомерием Ниобы, Лето обратилась к своим детям, которые своими стрелами уничтожили всех детей обидчицы.

ве, не прервав этого щебетания даже при моем появлении, и, когда леди Монтдор меня им представила, на миг умолкли, одарили меня взглядом и вновь принялись щебетать. Однако когда она произнесла мое имя, один из них спросил:

– Не дочь ли Сумасбродки, случайно?

При этих словах леди Монтдор довольно раздраженно промолчала, но я, давно привыкнув к тому, что мою мать называют Сумасбродкой – в сущности, никто, даже ее сестры, не называл ее иначе, – пропищала:

– Да.

Тогда все скворцы словно поднялись в воздух и перелетели на другое дерево, и этим деревом была я.

– Дочь Сумасбродки?

– Не смешите – да разве у Сумасбродки может быть такая взрослая дочь?

– Вероника, подойди сюда на минутку. Ты знаешь, кто это? Это ребенок Сумасбродки, это просто!..

– Идем выпьем чаю, Фанни, – предложила леди Монтдор. Она подвела меня к столу, а скворцы возобновили болтовню о моей матери.

– Мне было очень интересно, учитывая, что первый человек, с которым Сумасбродка рванула, был Чэд. Не так ли, дорогая? Мне посчастливилось заполучить его потом, но только после того, как она от него удрала.

– Все равно не понимаю, как это может быть правдой. Уверена, Сумасбродке никак не больше тридцати шести лет. Ро-

ли, сколько лет было Сумасбродке, когда мы ездили все вместе к мисс Вакани? Помнишь, ты – в своем крошечном килте? На танец с мечами? Ведь ей не больше тридцати шести?

– Все правильно, куриные мозги, простая арифметика. Она вышла замуж в восемнадцать, восемнадцать и восемнадцать как раз тридцать шесть, верно? Или нет?

– Да. А как насчет девяти месяцев?

– Не девять, дорогая, ничего похожего, разве ты не помнишь, какая все это была липа и каким позорно громадным был букет у бедняжки? В этом вся суть.

– Вероника, как всегда, зашла слишком далеко, давайте закончим игру.

Одним ухом я слушала этот захватывающий разговор, а другим – то, что говорила леди Монтдор. Одарив меня характеристикой и незабываемым взглядом, говорящим о том, что я и так знала: что моя твидовая юбка топорщится сзади, а на руках нет перчаток (на самом деле я, скорее всего, забыла их в машине, и как же теперь набраться смелости и потребовать их обратно?), она самым дружеским образом заметила, что я за пять лет изменилась больше, чем Полли, но Полли сейчас гораздо выше меня. Как тетя Эмили? Как Дэви?

Вот в чем заключался ее шарм. Она внезапно становилась милой именно в тот момент, когда, казалось, собиралась налететь на вас коршуном. Это был шарм мурлыкающей пумы. Сейчас она послала одного из мужчин разыскать Полли.

– Наверное, играет в бильярд с Малышом. – И она налила

мне чашку чаю. – И здесь Монтдор, – добавила она, обращаясь ко всей компании.

Она всегда называла своего мужа Монтдором, когда говорила с теми, кого считала себе равными, но в пограничных случаях, как, например, в разговоре с агентом по недвижимости или доктором Симпсоном, он был лордом Монтдором, если не его светлостью. Я никогда не слышала, чтобы она именовала его «мой муж», все это было частью отношения к жизни, которое делало ее так повсеместно нелюбимой, твердой решимостью указать людям на надлежащее им место и удерживать их там.

Болтовня закончилась, когда в комнату вошел лорд Монтдор, излучая чудесную старость. Соня прервалась на полуслове, и те, кто на тот момент еще не стоял, уважительно поднялись. Он обменялся со всеми рукопожатием, почтив каждого по очереди приличествующим словом.

– А это моя подружка Фанни? Уже совсем взрослая, а помните, когда я видел вас в последний раз, мы вместе плакали о Девочке со спичками?

Чушь какая, подумала я. Ничто, касающееся человеческих существ, не в силах было тронуть меня в детстве. А вот книга «Черный красавец»!..

Лорд Монтдор повернулся к камину и протянул к огню большие тонкие белые руки. Леди Монтдор тем временем наливала ему чай. В комнате наступило долгое молчание. Потом он взял пшеничную лепешку, намазал маслом, поло-

жил на блюде и, обращаясь к другому старику, произнес:
– Я хотел вас спросить...

Они сели рядом и завели тихий разговор, а скворечий щебет мало-помалу разгулялся вновь. Я поняла, что у меня нет никакого повода тревожиться в этой компании, потому что в том, что касалось сотоварищей-гостей, я была явно наделена защитной окраской. Их кратковременный первоначальный интерес ко мне сошел на нет, словно меня там и не было, а потому я могла теперь держаться особняком и просто наблюдать их ужимки. Всевозможные вечеринки для людей моего возраста, которые я посетила за последний год, поверьте, раздражали меня гораздо сильнее, ведь там я знала, что должна играть роль, так сказать, отрабатывать свой хлеб, стараясь быть по возможности занимательной. Но здесь, где я снова оказалась ребенком среди пожилых людей, мне как ребенку надлежало быть видимой, но не слышимой. Обводя глазами комнату, я задавалась вопросом: где же те специально приглашенные для нас с Полли молодые мужчины, о которых писала леди Монтдор? Возможно, они еще не приехали, так как определенно среди присутствующих молодежи не наблюдалось. Я бы сказала, что всем было хорошо за тридцать, и все были, вероятно, женаты, но вычислить супружеские пары не представлялось возможным, потому что все они общались друг с другом так, словно были друг на друге женаты – во всяком случае, мои тетки такими голосами и с такой нежностью обращались исключительно к своим

мужьям.

– Соня, Советеры еще не прибыли? – спросил лорд Монтдор, подходя за второй чашкой чаю.

Среди женщин произошло оживление. Они повернули головы, словно собаки, почуявшие, как разворачивают плитку шоколада.

– Советеры? Вы имеете в виду Фабриса? Не может быть, чтобы он женился. Я бы несказанно удивилась.

– Нет, нет, конечно, нет. Он привозит погостить свою матушку. Она бывшая пассия Монтдора... я ее никогда не видела, да и Монтдор не видел лет сорок. Конечно же, мы всегда знали Фабриса, он приезжал к нам в Индию. Он такой занятный, очаровательное создание. Он был очень сильно увлечен маленькой Рани из Равальпура, на самом деле, утверждают, что ее последний ребенок...

– Соня! – довольно резко одернул ее лорд Монтдор, но она не обратила абсолютно никакого внимания.

– Отвратительный старик этот раджа, я только надеюсь, что все было так. Бедные создания, один ребенок за другим, невозможно не испытывать к ним жалость, как к маленьким птичкам, знаете ли. Я ходила навещать тех, что были в затворничестве, и, конечно же, они меня просто обожали, это было воистину трогательно.

Объявили о прибытии леди Патриции Дугдейл. Я время от времени видела Дугдейлов, пока Монтдоры находились за границей, потому что они соседствовали с Алконли. И хо-

тя мой дядя Мэттью ни в коем случае не поощрял соседей, не в его власти было всецело подавить их и помешать появляться на охоте, местных стипль-чезах, оксфордской платформе к поезду 9.10 и пэддингтонской – к поезду 4.45, либо на Мерлинфордском рынке. Кроме того, Дугдейлы привозили своих друзей в Алконли на танцевальные вечера, которые устраивала тетя Сэди, когда Луиза и Линда стали выезжать, и подарили Луизе на свадьбу старинную подушечку для булавок, забавно тяжелую, поскольку внутри был свинец. Романтичная Луиза, решившая, что подушечка так тяжела, потому что набита золотом («Чьи-то сбережения, тебе не кажется?»), распоролла ее маникюрными ножничками и обнаружила только свинец, в результате ни один из ее свадебных подарков нельзя было показать из опасения задеть чувства леди Патриции.

Леди Патриция была превосходным примером преходящей красоты. Когда-то у нее было такое же лицо, как у Полли. Но белокурые волосы поседели, а белая кожа – пожелтела, так что выглядела она, как классическая статуя, стоящая на открытом воздухе, с шапкой снега на голове и попорченными сыростью чертами. Тетя Сэди говорила, что они с Малышом считались самой красивой парой в Лондоне, но это было, вероятно, много лет назад, пятьдесят или около того, и жизнь для них скоро кончится. Жизнь леди Патриции была полна печали и страдания, печали в браке и страдания в печени. (Конечно, я сейчас цитирую Дэви.) Она была страст-

но влюблена в Малыша, который был моложе ее на несколько лет, и полагают, что он женился, потому что не мог сопротивляться родству с высокочтимой им семьей Хэмптон. Великой скорбью его жизни была бездетность, ведь он имел заветную мечту завести полный дом маленьких полу-Хэмптонов, и люди говорили, что разочарование пошатнуло его душевное равновесие, но племянница Полли явно пробуждала в нем отцовские чувства, и он был к ней чрезвычайно привязан.

– Где Малыш? – спросила леди Патриция, в обычной английской манере поприветствовав людей, которые собрались у камина, и помахав перчатками или сдержанно улыбнувшись тем, кто сидел дальше. На ней была фетровая шляпа, добротный твидовый костюм, шелковые чулки и прекрасно начищенные туфли из телячьей кожи.

– Хорошо бы они пришли, – сказала леди Монтдор. – Я хочу, чтобы он помог мне со столом. Он играет в бильярд с Полли... я передала ему через Рори... О, вот и они.

Полли поцеловала свою тетю и чмокнула меня. Потом обвела глазами комнату, выясняя, есть ли здесь еще кто-то, кому она пока не сказала «Как поживаете?» (она и ее родители, без сомнения, по причине разнообразных официальных должностей, которые занимал лорд Монтдор, были довольно церемонны в своих манерах), а затем опять повернулась ко мне.

– Фанни, – спросила она, – ты давно здесь? Никто мне не

сказал.

Она стояла рядом, заметно более высокая, чем я, вновь став живым человеком, а не расплывчатым воспоминанием моего детства, и все противоречивые чувства, которые мы испытываем к людям, имеющим для нас значение, вновь нахлынули на меня. Чувства к Рассказчику тоже нахлынули, но отнюдь не противоречивые.

– Ба! – произнес он. – Вот наконец и моя госпожа.

Его курчавые черные с проседью волосы и развязная, бойкая маленькая фигурка вызывали у меня отвращение. Ростом он был ниже женщин семьи Хэмптон, примерно на дюйм ниже леди Патриции, и старался компенсировать это очень толстыми подошвами туфель. Он всегда выглядел до омерзения самодовольным, уголки его рта загибались вверх, когда лицо было спокойно, а если он хоть немного выходил из себя, загибались еще сильнее в невероятно раздражающей улыбке.

Голубой взгляд Полли был устремлен на меня. Полагаю, она тоже заново открывала человека, которого помнила лишь смутно, а на самом деле все ту же маленькую кудрявую черноволосую девочку, которая, как говаривала тетя Сэди, походила на маленького пони, в любой момент готового потряхнуть косматой гривой и умчаться. Полчаса назад я бы с радостью умчалась, но теперь была рада остаться на месте.

Когда мы вместе шли наверх, Полли обвила рукой мою талию и сказала с явной искренностью:

– Как замечательно снова тебя видеть. Мне о стольком нужно тебя расспросить! В Индии я часто думала о тебе – помнишь, как у нас обеих были черные бархатные платья с красными поясами, в которых мы спускались вниз после чая, и как у Линды были глисты? Кажется, то была другая жизнь, так давно это было. Что у Линды за жених?

– Очень красивый, – ответила я. – Очень энергичный. В Алконли он никому не нравится.

– О, как грустно. Тем не менее если Линда... Представить только, Луиза замужем, а Линда уже помолвлена! Конечно, до Индии мы все были малютками, а сейчас достигли брачного возраста, это совсем другое дело, не так ли?

Она глубоко вздохнула.

– Ты уже выезжала в свет в Индии? – спросила я, зная, что Полли чуть старше меня.

– Ну да, конечно, выезжала два года. Все это было совсем неинтересно, выезды в свет кажутся страшной, страшной скукой. Тебе они нравятся, Фанни?

Я никогда не задумывалась над тем, нравятся мне выезды или нет, и затруднялась ответить на этот вопрос. Девушки должны выезжать, я это знала. Это этап в их существовании, такой же, как обучение в закрытой школе для мальчиков, этап, который нужно пройти, прежде чем сможет начаться настоящая жизнь. Предполагается, что балы упоительны, они стоят больших денег, и со стороны взрослых очень мило их устраивать, также очень мило было со стороны тети Сэди,

что она возила меня на такое количество балов. Но на всех этих мероприятиях, хотя мне, в общем, очень нравилось там бывать, у меня всегда было неуютное чувство, что я что-то упускаю, это было все равно как смотреть пьесу на иностранном языке. Всякий раз я надеялась, что пойму смысл, но никогда не понимала, хотя все люди вокруг меня так очевидно его видели. Линда, к примеру, видела его ясно, но ведь она тогда с успехом гонялась за любовью.

– Что мне нравится, – честно призналась я, – так это наряжаться.

– О, и мне тоже! Ты думаешь о платьях и шляпках постоянно, даже в церкви? Я тоже. На тебе божественный твид, Фанни, я сразу заметила.

– Только он топорщится, – сказала я.

– Твидовые костюмы не топорщатся только на очень шикарных маленьких худых женщинах вроде Вероники. Ты рада опять оказаться в этой комнате? Это та, в которой ты жила, помнишь?

Конечно, я помнила. На ее двери всегда значилось мое полное имя, написанное каллиграфическим почерком на карточке («Достопочтенная Фрэнсис Логан»), даже когда я была такой маленькой, что приезжала с няней, и это сильно впечатляло и радовало мою детскую душу.

– Ты это наденешь сегодня вечером?

Полли подошла к огромной кровати с пологом на четырех столбиках, на которой было разложено мое платье.

– Как красиво – зеленый бархат и серебро. Прямо мечта! И такое мягкое и приятное. – Она приложила фалду юбки к своей щеке. – А мое из серебряной парчи. Когда становится жарко, оно пахнет, как птичья клетка, но я его очень люблю. Не правда ли, хорошо, что вечерние платья опять длинные? Но я хочу побольше услышать о том, что представляют собой выезды в свет в Англии.

– Балы, – стала перечислять я, – званые завтраки для девушек, теннис, если умеешь играть, званые обеды, театр, скачки в Аскоте, визиты. О, не знаю, полагаю, ты можешь и сама себе представить.

– И все проходит как у наших гостей внизу?

– Болтовня без умолку? Но ведь сейчас внизу собрались старики, Полли. А девушки на выездах встречаются с молодыми людьми их возраста, понимаешь?

– Они вовсе не считают себя старыми, – рассмеялась Полли.

– Ну... все равно это так.

– Я и сама не считаю их такими уж старыми, но, полагаю, это потому, что они кажутся молодыми рядом с мамой и папой. Только подумай, Фанни, твоя мама еще не родилась, когда моя мамочка уже вышла замуж, а миссис Уорбек по возрасту годилась ей в подружки невесты. Мамочка рассказывала об этом до твоего приезда. Нет, что я действительно хочу знать о здешней светской жизни – это как насчет любви? Они что, постоянно крутят романы? Это единственная тема

их разговоров?

Пришлось признать, что так оно и есть.

– Кошмар! Я, право, знала, что ты это скажешь. Так было и в Индии, конечно, но я полагала, возможно, в холодном климате... Так или иначе, не говори об этом мамочке, если она тебя спросит, притворись, что английских дебютанток любовь не волнует. Она просто сходит с ума, потому что я никогда не влюбляюсь, и постоянно поддразнивает меня из-за этого. Но это бесполезно, потому что, если этого нет, значит, нет. Мне кажется, в моем возрасте не влюбляться так естественно.

Я посмотрела на нее с удивлением, мне это казалось крайне неестественным, хотя я вполне могла понять нежелание говорить о таких вещах со взрослыми и особенно – с леди Монтдор, если она случайно окажется вашей матерью. Но меня осенила новая мысль.

– В Индии, – сказала я. – Не могла ли ты там влюбиться?

Полли засмеялась.

– Фанни, дорогая, что ты имеешь в виду? Конечно, я могла бы, почему нет? Просто этого не случилось, понимаешь?

– В белых людей?

– В белых или черных, – поддразнила она меня.

– Влюбляться в черных? – Что бы сказал на это дядя Мэттью?

– Люди влюбляются, еще как. Вижу, ты не разбираешься в раджах, но некоторые из них очень привлекательны. У меня

там была подруга, которая чуть не умерла от любви к одному из них. Скажу тебе кое-что, Фанни. Я честно уверена, что мамочка предпочла бы, чтобы я влюбилась в индуса, чем не влюбилась ни в кого. Конечно, тогда был бы страшный скандал, и меня отослали бы напрямик домой, но даже и тогда она бы сочла это неплохим делом. Ей очень не нравится, что этого нет совсем. Я знаю, она пригласила в гости того француза только потому, что, по ее мнению, ни одна женщина не может перед ним устоять. Они в Дели не могли думать ни о чем другом – меня в то время там не было, мы ездили в горы с Малышом и тетушкой Пэтси. Это была божественная, божественная поездка – я должна тебе о ней рассказать, но не сейчас.

– Но разве твоя мама хотела бы, чтобы ты вышла замуж за француза? – спросила я. В те времена любовь и замужество были неразрывно связаны в моей голове.

– О, не замуж, боже правый, нет. Ей просто хотелось бы, чтобы я испытала к нему некоторую слабость, чтобы показать, что я на это способна. Она хочет увидеть, такая ли я, как другие женщины. Ну что ж, она увидит. Вот звонок к переодеванию – позвоню тебе, когда буду готова, я теперь больше не живу наверху, у меня новая комната за террасой. Уйма времени, Фанни, целый час.

Моя спальня находилась в башне, где раньше, когда мы были маленькими, располагалась детская Полли. В отличие от других комнат Хэмптона, оформленных в классическом стиле, в комнатах башни царила готика, как ее изображают на картинках к сказкам. Мебель и камин, украшенные остроконечными башенками, обои в завитушках, створчатые переплеты на окнах. Пока семья пребывала в Индии, дом претерпел масштабную реконструкцию, и, осмотревшись, я увидела, что в одном из стенных шкафов теперь устроена выложенная кафелем ванная комната.

В прежние времена я обычно отправлялась с губкой в руке в детскую ванную комнату, до которой надо было спускаться по жуткой винтовой лестнице, и я до сих пор помню пронизывающий холод в этих наружных коридорах, хотя в моей комнате всегда пылал огонь. Но сейчас центральное отопление было усовершенствовано, и температура повсюду была как в теплице. Огонь под шпильями и башенками декоративной облицовки камина мерцал исключительно для красоты, и его уже не нужно было разжигать в семь утра, когда все еще спят, что выполнялось маленькой горничной, шмыгающей по дому, словно мышка. Век роскоши закончился, и начался век комфорта. Будучи по натуре консервативной, я с радостью увидела, что убранство комнаты совсем не измени-

лось, хотя освещение сильно улучшилось; на кровати лежало новое стеганое одеяло, туалетный столик красного дерева приобрел муслиновую покрывку с оборкой и встроенное зеркало, и вся комната и ванная были устланы коврами. В остальном же все осталось точно таким же, как мне помнилось, включая две большие желтые картины, которые можно было видеть с кровати: «Картежники» Караваджо и «Куртизанка» Рафаэля.

Одеваясь к обеду, я страстно желала, чтобы мы с Полли могли провести вечер вместе наверху, куда бы нам принесли поднос с едой, как мы делали когда-то в классной комнате. Я страшилась предстоящего взрослого обеда, потому что знала, что, как только окажусь в столовой, сидящей между какими-то двумя из находящихся внизу старых джентльменов, будет уже больше невозможно оставаться молчаливым наблюдателем, придется придумывать, что сказать. Мне всю жизнь вдалбливали в голову, особенно Дэви, что молчание за столом оскорбляет общество.

– Пока ты болтаешь, Фанни, не имеет большого значения, что ты говоришь, лучше декламировать алфавит, чем сидеть как глухонемая. Подумай о своей бедной хозяйке, это просто невежливо по отношению к ней.

В столовой, сидя между человеком по имени Рори и человеком по имени Роли, я обнаружила, что ситуация еще хуже, чем я ожидала. Моя защитная окраска, которая так хорошо срабатывала в гостиной, сейчас то появлялась, то пропа-

дала, словно испорченное электрическое освещение. Я была видима. Один из моих соседей начинал со мной разговор и, казалось бы, очень интересовался тем, что я ему отвечала, как вдруг, без всякого предупреждения, я становилась невидимой, и Рори с Роли уже оба кричали через стол, обращаясь к леди по имени Вероника, а я с какой-нибудь маленькой грустной репликой повисала в воздухе. Затем выяснялось, что они не слышали ни единого слова из того, что я говорила, а были с самого начала заворожены бесконечно более захватывающим разговором с этой леди Вероникой. Ну, хорошо, буду невидимой, решала я, что действительно было гораздо предпочтительнее, дабы иметь возможность в молчании спокойно вкушать свой обед. Но нет, ничуть не бывало, я вдруг ни с того ни с сего опять обретала видимость.

– Так лорд Алконли ваш дядя? Разве он не абсолютно помешанный? Разве он не охотится на людей с гончими в полнолуние?

Я все еще оставалась в большой степени ребенком, который безоговорочно принимает взрослых из своей семьи и полагает, что каждый из них на свой лад более или менее совершенен, поэтому для меня было шоком услышать, что этот незнакомец считает моего дядю «абсолютно помешанным».

– О, но мы это обожаем, – начала я, – вы не представляете, как весело... – Бесполезно. Даже говоря, я опять сделалась невидимой.

– Нет, нет, Вероника, вся суть в том, что он принес мик-

роскоп, чтобы посмотреть на свой собственный...

– Ну, давай, произнеси это слово за обедом, – подзадорила Вероника. – Даже если ты знаешь, как оно произносится, в чем я сомневаюсь, это совсем не застольная тема... – И так они продолжали до бесконечности.

– Вероника такая забавная, не правда ли?

На концах стола было тише. На одном леди Монтдор разговаривала с герцогом Советером, который вежливо слушал ее речи, изредка поводя по сторонам блестящими, добродушными маленькими черными глазками. А на другом расположились лорд Монтдор с Рассказчиком, беседуя на безупречном французском по обе стороны от герцогини Советер. Я находилась достаточно близко от них и могла слушать их разговор, что и делала, пока оставалась невидимой, и хотя, возможно, их беседа была не так остроумна, как разговоры вокруг Вероники, она имела для меня то достоинство, что была более понятной. Вся она заключалась в этих строчках:

Монтдор: Alors le Duc de Maine était le fils de qui?¹⁷

Мальши: Mais, dites donc mon vieux, de Louis XIV¹⁸.

Монтдор: Bien entendu, mais sa mère?¹⁹

Мальши: Монтеспан.

В этом месте герцогиня, которая молча жевала и вроде бы к ним не прислушивалась, произнесла громким и очень

---

¹⁷ Так чьим сыном был герцог Мэн? (*фр.*)

¹⁸ Ну, конечно, Людовика Четырнадцатого (*фр.*).

¹⁹ Разумеется, а его мать? (*фр.*)

неодобрительным голосом:

– *Мадам* де Монтеспан.

Мальш: Oui – oui – oui, parfaitement, Madame la Duchesse²⁰. (Затем по-английски, обращаясь к своему шури-ну: «Маркиза де Монтеспан была аристократкой, как вы знаете, они никогда об этом не забывают».)

– Elle avait deux fils d’ailleurs, le Duc de Maine et le Comte de Toulouse et Louis XIV les avait tous deux légitimés. Et sa fille a épousé le Régent. Tout cela est exacte, n’est-ce pas, Madame la Duchesse?²¹

Но старая леди, в чьих интересах было предположительно поставлено это лингвистическое представление, совершенно им не интересовалась. Она ела со всем возможным усердием, прерываясь лишь для того, чтобы попросить у лакея еще хлеба. На прямое обращение она ответила:

– Полагаю, что так.

– Все это описано у Сен-Симона²², – сказал Мальш. – Я снова его перечитывал и вам советую, Монтдор, это просто очаровательно. – Мальш был сведущ во всех дворцовых ме-муарах, когда-либо написанных, снискав себе, таким образом, репутацию знатока истории.

---

²⁰ Да-да-да, совершенно верно, мадам герцогиня (*фр.*).

²¹ Между прочим, у нее было два сына, герцог Мэн и граф Тулузский, и Людовик Четырнадцатый их узаконил. А его дочь вышла замуж за регента. Все это правильно, не правда ли, мадам герцогиня? (*фр.*)

²² Анри Сен-Симон (1760–1825) – французский философ и социолог, основатель школы утопического социализма.

«Вам может не нравиться Малыш, но он действительно много знает из истории, нет такого, чего бы он не мог вам рассказать». Однако все зависело от того, что вы хотели выяснить. Если о бегстве императрицы Евгении из Тюильри – да, если о мучениках Толпаддла²³ – нет. Исторические знания Рассказчика были сублимацией снобизма.

Но вот леди Монтдор повернулась к другому соседу по столу, и все последовали ее примеру. Я получила Рори вместо Роли, но в результате ничего не изменилось, так как оба к этому времени были поглощены тем, что происходило на противоположной стороне стола, и Рассказчик был оставлен в одиночку биться с герцогиней. Я слышала, как он спросил:

– Dans le temps j'étais très lié avec le Duc de Souppes, qu'est-ce qu'il est devenu, Madame la Duchesse?²⁴

– Как, вы друг этого бедного Суппа? – поинтересовалась она. – Он такой надоедливый мальчик.

У нее был очень странный акцент, смесь французского и кокни.

– Il habite toujours ce ravissant hôtel dans la rue du Bac?²⁵

– Полагаю, что так.

---

²³ Мученики Толпаддла – шесть сельскохозяйственных рабочих из деревни Толпаддл в Дорсете, в 1834 году осужденные за принесение тайной присяги как члены Дружественного общества сельскохозяйственных рабочих.

²⁴ Когда-то я был очень близок к герцогу де Суппу, что с ним стало, мадам герцогиня? (*фр.*)

²⁵ Он все еще живет в этом прекрасном отеле на улице дю Бак? (*фр.*)

– Et la vieille duchesse est toujours en vie?²⁶

Но его соседка целиком посвятила себя еде, и он не добился от нее больше ни слова. Она читала и перечитывала меню, а потом вытянула шею, чтобы получше рассмотреть, как выглядит следующее блюдо. Когда после пудинга гостям заменили тарелки, она дотронулась до своей и удовлетворенно произнесла, обращаясь к самой себе:

– Еще одна теплая тарелка. Очень, очень хорошо.

Она наслаждалась едой.

Я тоже наслаждалась, особенно сейчас, когда защитная окраска опять была в полном порядке и весь остаток вечера продолжала работать практически без помех.

Я подумала, как жаль, что Дэви не может оказаться здесь в один из своих обжорных дней. Он всегда жаловался, что тетя Эмили не в состоянии предоставить ему по такому случаю достаточное количество разнообразных блюд, чтобы устроить его метаболизму достойную встряску.

– Уверен, ты совсем не понимаешь, что мне требуется, – говорил он с несвойственным ему раздражением. – Чтобы извлечь какую-то пользу, я должен быть до головокружения изнурен перееданием – нужно стремиться к тому ощущению, которое возникает после трапезы в парижском ресторане, когда ты переполнен и способен лишь часами лежать на кровати, словно кобра, переполнен настолько, что даже не можешь спать. Так вот для этого должно быть великое

---

²⁶ И старая герцогиня еще жива? (фр.)

множество разных кушаний, чтобы выманить мой аппетит, дорогая Эмили. Добавки не считаются, их я должен съесть в любом случае – великое множество блюд из по-настоящему питательных продуктов. Естественно, если ты предпочитаешь, чтобы я забросил лечение... но жаль это делать, когда оно так благотворно на меня влияет. Если же тебя беспокоят расходные книги, ты должна вспомнить, что есть дни, когда я голодаю. Похоже, ты совсем не принимаешь их в расчет.

Но тетя Эмили сказала, что дни голодания не имеют абсолютно никакого значения для расходных книг. Он, конечно, может называть это голоданием, но любой другой назовет это четырьмя плотными трапезами в день.

Я подумала, что в процессе обеда десятка два метаболитов за этим столом получают отличную встряску. Суп, рыба, фазан, бифштекс, спаржа, пудинг, десерт, фрукты. «Хэмптонская еда» – так называла ее тетя Сэди. И в самом деле, у этой еды был собственный характер, который лучше всего можно описать, сказав, что она походила на горы той вкуснейшей, какую только можно себе представить, пищи, которой нас кормили в детстве, – простой и здоровой, приготовленной из первоклассных продуктов, где каждый компонент имеет свой, ярко выраженный вкус. Но, как и все остальное в Хэмптоне, еда эта была чрезмерной, подобно тому, как леди Монтдор была немножко чересчур графиней, лорд Монтдор – слишком сильно похож на пожилого государственно-го мужа, слуги – слишком совершенными и слишком почти-

тельными, постели – слишком мягкими, постельное белье – слишком высококачественным, автомобили – слишком новыми и слишком сияющими, а все остальное – в слишком идеальном порядке, так что даже тамошние персики были слишком похожими на персики. В детстве мне казалось, что из-за всего этого совершенства Хэмптон выглядит нереальным по сравнению с теми домами, которые я знала, – Алконли и маленьким домиком тети Эмили. Это было дворянское гнездо из книги или пьесы, непохожее на чей-нибудь дом, и точно так же Монтдоры и даже Полли никогда не казались мне по-настоящему реальными людьми из плоти и крови.

К тому времени, как я приступила к слишком похожему на персик персику, у меня исчезло всякое чувство страха, если не внешнего приличия. Я сидела в ленивой позе, на какую никогда бы не отважилась в начале обеда, дерзко поглядывая по сторонам. Дело было не в вине, я выпила только бокал кларета, а все остальные мои бокалы были полны (лакей не обращал внимания на мои мотания головой) и нетронуты. Виной всему еда, я опьянела от еды. Мне стало ясно, что имел в виду Дэви, говоря о кобре: желудок растянулся до предела, и я чувствовала себя так, будто проглотила козу. Я знала, что лицо у меня покраснелось, и, оглянувшись кругом, увидела, что и у всех остальных, кроме Полли, такие же лица.

Полли, сидевшая между такой же парочкой, как Рори и Роли, не делала ни малейших усилий, чтобы им понравиться,

хотя они прилагали гораздо больше усилий по отношению к ней, чем мои соседи по отношению ко мне. И она не наслаждалась едой. Она ковыряла ее вилкой, оставляя бóльшую часть на тарелке, и казалась совершенно отстраненной, а ее пустой взгляд светил, словно луч синей лампы, в направлении Малыша, но вряд ли она действительно его видела или слушала его пугающе безупречный французский. Леди Монтдор время от времени посматривала на нее недовольно, но Полли ничего не замечала. Мыслями она явно была далеко от обеденного стола матери, и через некоторое время ее соседи оставили борьбу за получение от нее односложных ответов и в один голос с моими принялись дерзко выкрикивать что-то, обращаясь к леди по имени Вероника.

Эта Вероника была маленькая, худая и искрящаяся. Ее блестящие золотые волосы лежали на голове шапочкой, идеально гладкие, с несколькими плоскими кудряшками надо лбом. У нее был вздернутый костлявый нос, бледно-голубые, немного навывкате глаза и почти отсутствовал подбородок. Я подумала, что у нее декадентский вид – несомненно, это опьянение вложило мне в голову такое взрослое слово, – но все равно нельзя было отрицать, что она очень, очень хорошенькая, а ее одежда, драгоценности, макияж и вся внешность являются верхом шика. Она, несомненно, считалась большой остроумницей, и как только вечер начал разогреваться после зябкого начала, он тут же звертелся исключительно вокруг нее. Она перебрасывалась остротами с разно-

образными Рори и Роли, а другие женщины ее возраста только вовсю хихикали над этими шутками, но не принимали в них активного участия, словно понимая, что было бы бесполезно пытаться отобрать у нее хоть толику всеобщего внимания. И даже более пожилые люди, окружавшие Монтдоров по обоим концам стола, поддерживая равномерное течение серьезной беседы, время от времени бросали на Веронику снисходительный взгляд.

Теперь, осмелев, я попросила одного из моих соседей назвать мне ее фамилию, но он был так изумлен моим невежеством, что совершенно забыл ответить на вопрос.

– Вероники? – опешил он. – Но вы, конечно же, знаете Веронику.

Это прозвучало так, как если бы я никогда не слышала о Везувии. Потом я выяснила, что ее звали миссис Чэддсли-Корбетт, и мне показалось странным, что леди Монтдор, которая, как мне часто говорили, была снобом, пригласила погостить какую-то миссис, даже не достопочтенную, и обходится с ней с определенным пиететом. Это показывает, какой невинной в социальном смысле я была в то время, поскольку каждый школьник (точнее, всякий итонец) знал о миссис Чэддсли-Корбетт все. Для других шикарных женщин своего времени она была словно звезда сцены для кордебалета и изобрела тип облика, а также манеру говорить, ходить и вести себя, которые рабски копировались приверженцами моды в Англии по меньшей мере лет десять. Без сомнения,

причина, по которой я никогда прежде не слышала ее имени, состояла в том, что она в своей шикарности находилась гораздо выше неискушенного юного мира, меня окружавшего.

Было уже очень поздно, когда леди Монтдор встала из-за стола. Мои тетки никогда не позволяли засиживаться в столовой так долго, чтобы не задерживать слуг, которым прежде чем лечь спать предстояло вымыть посуду, но такого рода вещи в Хэмптоне попросту не принимали во внимание. И точно так же леди Монтдор не обращалась к своему мужу, как это всегда делала тетя Сэди, с умоляющим взглядом и словами: «Не слишком долго, хорошо, дорогой?» – когда уходила, оставляя мужчин за их портвейном, бренди, сигарами и традиционными непристойными историями, которые, как мне казалось, едва ли могли быть сколько-нибудь непристойнее, чем стал за последние полчаса или около того разговор Вероники.

Оказавшись снова в Длинной галерее, некоторые женщины отправились наверх «попудрить носики». Леди Монтдор недовольно поморщилась.

– Я хожу утром, – заявила она, – и на этом все. Меня, слава богу, не нужно то и дело выпускать, как собаку, – на мой взгляд, нет ничего более вульгарного.

Если леди Монтдор действительно надеялась, что Советер обратит свой шарм на Полли и настроит ее на мысли о любви, ее ждало разочарование. Как только мужчины вышли из столовой, просидев там целый час (я слышала, слова Со-

ветера: «Эта английская привычка ужасна»), его окружили Вероника и ее кордебалет, лишив всякой возможности поговорить с кем-то еще. Все они, похоже, были давным-давно знакомы с ним, называли его по-дружески Фабрисом и засыпали тысячей вопросов об общих знакомых в Париже и шикарных иностранках с незатейливыми английскими именами – Нора, Кора, Дженни, Дэйзи, Мэй и Нелли.

– Неужели всех французенок зовут как английских горничных? – фыркнула леди Монтдор, довольствуясь болтовней со старой герцогиней, поскольку пространство вокруг Советера было явно занято надолго. Он же, похоже, наслаждался собой, словно радуясь какой-то ему одному ведомой шутке, и его мерцающие глаза останавливались, скорее с беззаботностью, чем с желанием, на каждом ошипанном и раскрашенном личике по очереди, пока те, тоже по очереди и с почти очевидной неискренностью, спрашивали о своих дорогих Нелли и Дэйзи. Между тем мужья этих щебечущих дам испытывали явное облегчение, как всегда бывает с англичанами, когда есть возможность отдохнуть от женской компании. Они играли в карты на другом конце Длинной галереи, делая, несомненно, гораздо более крупные ставки, чем разрешили бы им их жены, с тяжеловесной мужской сосредоточенностью на игре, не отвлекаясь ни на какие посторонние раздражители со стороны противоположного пола. Леди Патриция отправилась спать. Малыш Дугдейл начал с того, что сунулся в группу, окружавшую Советера, но, обна-

ружив, что никто там не обращает на него ни малейшего внимания, а Советер даже не отвечает на его вопрос о герцоге де Суппе, если не считать уклончивой реплики: «Я иногда вижу бедную Нину де Супп», – с обиженной усмешкой на лице оставил свои усилия. Он подошел к нам с Полли и, усевшись рядом, стал показывать, как играть в триктрак, поддерживая наши руки, когда мы встряхивали кубик, и поглаживая наши коленки, то есть ведя себя, на мой взгляд, в своей дур-р-рацкой и распутной манере. Лорд Монтдор в компании пары глубоких стариков ушел играть в бильярд. Говорили, что он лучший бильярдист на Британских островах.

А тем временем бедная леди Монтдор подвергалась грандиозному допросу со стороны герцогини, которая, возможно, из духа противоречия, перешла на свой родной язык. Французский язык леди Монтдор был неплох, но вовсе не так пугающе безупречен, как у ее мужа и зятя, и она вскоре стала испытывать затруднения, отвечая на вопросы о мерах и весах. Сколько гектаров занимает парк в Хэмптоне, какой высоты башня, сколько будет стоить во франках нанять плавающий дом до Хенли, сколько километров от них до Шеффилда? Она была вынуждена все время обращаться за помощью к Малышу, который, конечно, ни разу ее не подвел, но герцогиня на самом деле не очень-то интересовалась ответами, она была слишком занята, стряпая новый вопрос. Вопросы эти изливались неослабевающим потоком, не давая леди Монтдор возможности улизнуть к карточному столу, как ей

страстно хотелось. Какого типа электрогенератор в Хэмптоне, каков средний вес шотландского оленя, как долго лорд и леди Монтдор женаты («ну и ну!»), как нагревается вода для ванны, сколько собак в своре английских гончих, где сейчас находится королевская семья? Леди Монтдор претерпевала новое для себя ощущение кролика перед удавом. Наконец она не выдержала и прекратила вечеринку, уведя женщин спать наверх гораздо раньше, чем было принято в Хэмптоне.

Так как я впервые гостила в такой большой и важной взрослой компании, то пребывала в неведении относительно того, когда будет завтрак, поэтому, прежде чем мы пожелали друг другу спокойной ночи, спросила об этом Полли.

– О, – как-то туманно ответила она, – приблизительно в девять. – И я решила, что это должно означать, как означало у нас дома, между пятью и пятнадцатью минутами десятого. Утром я была разбужена в восемь часов горничной, которая принесла мне чай с тонкими, как бумага, ломтиками хлеба с маслом и спросила: «Это ваши перчатки, мисс? Их нашли в машине». А затем, наполнив мне ванну, забрала в чистку все попавшиеся на глаза предметы одежды, составив коллекцию из вчерашнего твидового костюма, трикотажной кофточки, туфель, чулок и нижнего белья. Я опасалась, как бы мне не пришлось появиться внизу в одних перчатках.

Тетя Эмили никогда не разрешала мне брать с собой в гости ее горничную, говоря, что это меня избалуует. А вдруг я потом выйду замуж за человека бедного и мне придется справляться самостоятельно? Поэтому всякий раз, когда я уезжала из дома, меня отдавали на милость чужих горничных. Итак, к девяти часам я была вымыта, одета и совершенно готова к принятию пищи. Любопытно, что непомерный обед вчерашнего вечера, которого мне должно было хватить

на неделю, похоже, сделал меня голоднее обычного. Не желая быть первой, я выждала несколько минут после того, как часы на башне пробили девять, и затем решила сойти вниз. Но в столовой, к моему величайшему изумлению, стол все еще был покрыт зеленым сукном, дверь в буфетную широко раскрыта, и лакеи в полосатых безрукавках поверх рубашек, заняты работами, не имеющими ничего общего с приближающейся трапезой, а именно сортировкой писем и складыванием утренних газет. Они смотрели на меня, как мне показалось, с удивлением и неприязнью. Я нашла их даже более устрашающими, чем мои собратья-гости, и уже собралась как можно скорее вернуться в спальню, когда за спиной у меня послышался голос:

– Просто ужасно смотреть на этот пустой стол.

Это был герцог де Советер. Моя защитная окраска при утреннем свете, похоже, сошла. По правде сказать, он говорил так, словно мы были старыми друзьями. Я была очень удивлена и еще больше удивилась, когда он пожал мне руку, а всего удивительнее было то, что он сказал потом:

– Я тоже жажду своей овсянки, но мы не можем здесь оставаться, слишком грустно, не пойти ли нам прогуляться, пока ее не подали?

Я и глазом не успела моргнуть, как уже шла рядом с ним, очень быстро, почти бегом, чтобы не отставать, по одной из больших липовых аллей парка. Он все время говорил, так же быстро, как и шагал.

– Сезон туманов, – сказал он, – и плодоношенья²⁷. Ну не умник ли я, что знаю такие вещи? Но сегодня утром вы едва ли увидите сочные плоды из-за туманов.

И действительно, нас окружала слабая дымка, сквозь которую маячили огромные желтые деревья. Трава была совсем сырой, и мои домашние туфли уже промокли.

– Обожаю, – продолжал он, – встать вместе с жаворонками и пойти на прогулку до завтрака.

– Вы всегда так делаете? – спросила я, зная, что некоторые люди так поступают.

– Никогда, никогда, никогда. Но сегодня утром я велел своему слуге связать меня по телефону с Парижем, думая, что это займет целый час, но он сразу дозвонился. Так что теперь я без дела и с уймой свободного времени. Разве мой английский не чудесен?

Этот звонок в Париж показался мне весьма ухарской блажью. Тетя Сэди и тетя Эмили заказывали междугородные разговоры только в кризисные моменты и даже тогда обычно давали отбой на полужразе, когда звучал трехминутный сигнал. Да, Дэви разговаривал со своим лондонским врачом почти ежедневно, но это было всего лишь из Кента, и в любом случае можно сказать, что здоровье Дэви действительно представляло собой нескончаемый кризис. Но звонить в Париж, за границу!

– Кто-то болен? – осмелилась я.

---

²⁷ «Пора плодоношенья и дождей...» – строка из «Оды к осени» Дж. Китса.

– Не совсем, но она терзается, бедняжка. Я вполне это понимаю, Париж без меня, наверное, ужасен. Мне ее очень жаль, правда.

– Кого? – спросила я, потому что любопытство перевесило мою робость. И впрямь, трудно долго чувствовать себя робкой с таким необыкновенным человеком.

– Мою невесту, – беззаботно ответил он.

Увы! Что-то подсказало мне, что таким и будет ответ; сердце мое упало, и я глухо промолвила:

– О! Как интересно! Вы помолвлены?

Он искоса бросил на меня загадочный взгляд.

– О да, помолвлен.

– И скоро женитесь?

Но почему, подумала я, он приехал один, без нее? Будь у меня такой потрясающий жених, я следовала бы за ним повсюду, как верный спаниель.

– Не думаю, что это скоро случится, – весело сказал он. – Таков уж Ватикан: время пред ним ничто, «тысячелетия промелькнут, словно вечер»²⁸. Хорошо я знаю английские стихи?

– Если вы называете это стихами. Вообще-то это религиозный гимн. Но какое отношение ваша женитьба имеет к Ватикану, разве он не в Риме?

– Разумеется. Существует такая вещь, как Римская католическая церковь, к которой я принадлежу, моя дорогая

---

²⁸ Строка из гимна английского священника Исаака Уоттса (1674–1748).

юная леди, и эта церковь должна аннулировать брак моей нареченной – вы так говорите? Нареченной?

– Можно и так. Это довольно вычурно.

– Моя возлюбленная, моя Дульсинея (великолепно?) должна аннулировать свой брак до того, как выйдет за меня.

– Боже! Так она уже замужем?

– Да, да, конечно. В наличии очень мало незамужних женщин, знаете ли. У хорошеньких женщин это состояние не длится долго.

– Моя теть Эмили не одобряет людей, которые обручаются, состоя в браке. Ее очень сердит, что моя мать всегда так поступает.

– Вы должны сказать вашей дорогой тете Эмили, что во многих отношениях это довольно удобно. Но все равно она совершенно права, я был женихом слишком часто и слишком долго, и теперь настало время стать женатым.

– А вы этого хотите?

– Я вовсе не так уж уверен. Выходить каждый вечер к обеду с одним и тем же человеком, это, должно быть, ужасно.

– Вы могли бы оставаться дома.

– Нарушать многолетнюю привычку тоже просто ужасно. На самом деле я так привык к состоянию жениховства, что трудно представить что-нибудь иное.

– А вы уже бывали помолвлены с другими женщинами до этой?

– Много, много раз, – признал он.

– И какая судьба их постигла?

– Разнообразные судьбы, о которых лучше не говорить.

– Ну, к примеру, что случилось с предыдущей?

– Дайте подумать. Ах да – предыдущая сделала нечто, чего я не мог одобрить, поэтому я ее разлюбил.

– И вы способны разлюбить человека только потому, что он делает то, что вы не одобряете?

– Да, способен.

– Какой счастливый талант, – сказала я. – Я вот уверена, что не смогла бы.

Мы дошли до конца аллеи, и перед нами раскинулось жнивье. Солнечные лучи полились на землю, рассеивая голубую дымку, золотя деревья, сжатое поле и стога на нем. Я подумала, как мне повезло наслаждаться прекрасным моментом со столь достойным человеком – такое запоминается на всю жизнь. Герцог прервал мои сентиментальные размышления:

– Узри, как ярко рдеет утро,

Хоть жребий наш уныл,

Сердцам тепло... –

продекламировал он и спросил: – Разве я не кладезь цитат? Скажите мне, кто сейчас любовник Вероники.

Я была еще раз вынуждена признаться, что никогда прежде не видела Веронику и ничего о ее жизни не знаю. Он казался менее ошеломленным этой новостью, чем Роли, но

задумчиво посмотрел на меня и сказал:

– Вы очень молоды. В вас есть что-то от вашей матери. Сначала я думал, что нет, но теперь вижу: кое-что есть.

– А кто, по-вашему, любовник миссис Чэддли-Корбетт? – поинтересовалась я. В тот момент меня больше занимала она, чем моя мать, и кроме того меня пьянили все эти разговоры о любовниках. Конечно, всем известно, что они существуют, из-за герцога Монмута²⁹ и тому подобного, но так близко, под одной с тобою крышей – это было поистине волнующе.

– Не имеет ни малейшего значения, кто это, – ответил герцог. – Она, как и все подобные женщины, принадлежит к небольшому кругу людей, и рано или поздно все в этом кругу становятся любовниками, так что, когда одних любовников меняют на других, это больше похоже на перестановки в старом правительстве, чем на новое правительство. Всегда выбирают из одного и того же старого набора, понимаете?

– А во Франции тоже так? – полюбопытствовала я.

– У светских людей? Точно так же по всему миру, хотя во Франции, должен сказать, в целом меньше перетасовок, чем в Англии, министры дольше остаются на своих постах.

– Почему?

– Почему? Француженки обычно сохраняют своих любовников, если им того хочется, потому что знают абсолютно

---

²⁹ Джеймс Скотт, 1-й герцог Монмут (1649–1685) – внебрачный сын короля Англии Карла II.

верный способ, как это делать.

– Неужели! – воскликнула я. – О, скажите же, какой.

Наш разговор с каждой минутой увлекал меня все больше.

– Все очень просто. Вы должны уступать им во всех отношениях.

– Боже! – вздохнула я, усиленно размышляя.

– Видите ли, все эти английские *femmes du monde*³⁰, эти Вероники, Шейлы и Бренды, а также ваша матушка (хотя никто не может сказать, что она остается в одном маленьком кругу, если бы она так делала, то не была бы такой *déclassée*³¹) – они следуют совершенно иному плану. Они гордые и отстраненные. Когда звонит телефон, их нет дома, когда вы приглашаете их пообедать, они заняты, если только вы не позаботились об этом за неделю, – короче говоря, *elles cherchent à se faire valoir*³², и это никогда, никогда не имеет успеха. Даже английским мужчинам, которые к этому привыкли, через некоторое время надоедает. Конечно же, ни один француз не станет мириться с этим ни дня. Поэтому они продолжают перетасовку.

– Они очень гадкие леди, не так ли? – спросила я, сформировав это мнение прошлым вечером.

– Нисколько, бедняжки. Они *les femmes du monde, voilà*

---

³⁰ Светские женщины (*фр.*).

³¹ Деклассированной (*фр.*).

³² Стремятся выставить себя в выгодном свете (*фр.*).

tout³³. Я их обожаю, с ними так легко поладить. Вовсе не гадкие. И я обожаю la mère³⁴ Монтдор – какая она забавная со своим снобизмом. Я очень, очень люблю снобов, по мне они всегда так очаровательны. Я ведь гостил у них в Индии, знаете ли. Она была обворожительна, и лорд Монтдор притворялся, что он тоже.

– Притворялся?

– Этот человек соткан из притворства, как столь многие из этих чопорных старых англичан. Конечно, он большой, большой враг моей страны – сторонник краха французской империи.

– Почему? – спросила я. – Я думала, теперь мы все друзья.

– Друзья! Как кролики и удавы. Я не испытываю особой любви к лорду Монтдору, но он довольно умен. Вчера после обеда он задал мне сто вопросов об охоте на куропаток во Франции. Почему? Можете быть совершенно уверены, у него была на это какая-то причина.

– Вам не кажется, что Полли очень красива? – спросила я.

– Да, но она для меня еще и довольно загадочна, – ответил он. – Пожалуй, у нее нет правильно организованной сексуальной жизни. Да. Безусловно, именно это делает ее такой мечтательной. Надо посмотреть, что я могу для нее сделать – только времени маловато. – Он посмотрел на часы.

Я чопорно ответила, что очень мало хорошо воспитанных

---

³³ Светские женщины, только и всего (*фр.*).

³⁴ Мамашу (*фр.*).

английских девушек имеют правильно организованную сексуальную жизнь. Моя, насколько я знала, была вообще не организована, а я вроде не была такой уж особенно мечтательной.

– Но что за красавица, даже в том ужасном платье. Когда у нее появится немного любви, она сможет стать одной из заметных красавиц нашего века. Неизвестно, как дело повернется, с англичанками всегда так. Она может нахлобучить на голову фетровую шляпу и стать леди Патрицией Дугдейл, все зависит от любовника. А этот Малыш Дугдейл, что он за человек?

– Дурацкий, – с чувством сказала я. – Дур-р-рацкий.

– Но вы невозможны, моя дорогая. Гадкие леди, дурацкие мужчины – вы, право же, должны постараться больше полюбить людей, а не то вы никогда не поладите с этим миром.

– Что вы подразумеваете под словом «поладить»?

– Ну, принять все эти вещи вроде мужей и женихов и примириться с ними. Это то, что действительно имеет значение в жизни женщины.

– А дети? – спросила я.

Он покатился со смеху.

– Да, да, конечно, дети. Первыми мужья, затем дети, затем женихи, затем снова дети, затем вам придется жить возле парка Монсо из-за няnek – это целая программа, иметь детей, могу вам сказать, особенно если вам, как и мне, случится предпочесть Левый берег.

Я не поняла из всего этого ни единого слова.

– Вы собираетесь быть Сумасбродкой, как ваша мать? – спросил он.

– Нет, нет, – запротестовала я. – Я очень постоянна.

– В самом деле? Не вполне уверен.

Вскоре – слишком скоро, на мой вкус – мы опять оказались у дома.

– Овсянка, – произнес герцог, вновь взглянув на часы.

Парадная дверь отворилась, открыв сцену великого смятения. Большая часть гостей, некоторые в твидовых костюмах, а некоторые в халатах, сгрудилась в холле, как и всевозможная прислуга, домашняя и садовая, между тем как деревенский полисмен, который от волнения притащил с собой в помещение свой велосипед, обсуждал что-то с лордом Монтдором. Высоко над нашими головами, перегнувшись через перила перед статуей Ниобы, леди Монтдор в розовато-лиловом атласном палантине кричала своему мужу:

– Скажи ему, что надо немедленно вызвать сюда Скотленд-Ярд, Монтдор! Если он не пошлет за ними, я сама позвоню министру внутренних дел. По счастью, у меня есть номер его частной линии. Впрочем, я думаю, лучше пойти и сделать это сейчас.

– Нет-нет, дорогая, пожалуйста, не надо. Говорю тебе, инспектор уже в пути.

– Да, надеюсь, но откуда нам знать, что это самый лучший инспектор? Думаю, мне стоит обратиться к моему другу, по-

лагаю, он будет обижен, если я этого не сделаю, дорогой. Он всегда так стремится сделать все, что в его силах.

Я была несколько удивлена, услышав, как нежно леди Монтдор говорит о члене лейбористского правительства, поскольку, по моему опыту, не таково было отношение к этому правительству других взрослых. Но когда я узнала ее лучше, то поняла, что в ее глазах власть была положительным качеством и что она автоматически любила тех, кто был ею наделен.

Мой спутник, с сосредоточенным выражением, которое появляется на лицах французов с приближением трапезы, не стал дожидаться конца перепалки и направился напрямиком в столовую, но, хотя я тоже была очень голодна после прогулки, любопытство взяло верх, и я осталась, чтобы выяснить, что все это значит. Похоже, ночью случилось ограбление, и почти все в доме, кроме лорда и леди Монтдор, лишились драгоценностей, мелких денег, мехов и всего, что свободно валялось и что можно было вынести. Что особенно раздосадовало жертв – так это то, что все они были разбужены кем-то рыщущим в их комнатах, однако немедленно заключили, что это, вероятно, Советер, предающийся своему хорошо известному хобби. Так что мужья просто с ворчанием переворачивались на другой бок со словами: «Извини, старина, это всего лишь я, попробайся в соседнюю дверь», – тогда как жены лежали тихонько в счастливом трансе желания, мурлыча слова ободрения, которые знали на французском. Или так,

во всяком случае, они говорили друг о друге, и когда я по пути наверх, чтобы сменить мокрые туфли, проходила мимо телефонной кабины, то слышала птичье чириканье миссис Чэддсли-Корбетт, которая возвещала внешнему миру свою версию этой истории. Возможно, перестановки в кабинете правительства в конце концов начинали немного прискучивать, и эти дамы в глубине души давно готовились к новой политике.

Общее мнение теперь было настроено резко против Советера, на чьей совести, совершенно ясно, все это и лежало. Обстановка накалилась, когда выяснилось, что ночью он хорошо отдохнул, чтобы в восемь часов встать и позвонить своей любовнице в Париж, а потом уйти на прогулку с «той маленькой девочкой». («Недаром она дочь Сумасбродки», – произнес кто-то с горечью, а я услышала.) Кульминации всеобщее возмущение достигло, когда было замечено, как он поглощает обильный завтрак, состоящий из овсянки со сливками, кеджери³⁵, яиц, холодной ветчины и многочисленных тостов, намазанных оксфордским джемом. Это было очень не по-французски, шло вразрез с его репутацией и представляло собой неподобающее поведение, учитывая хорошо известную хрупкость собратьев-гостей. Британия почувствовала себя уязвленной этим иностранцем, вон его! Он и уехал сразу после завтрака, умчавшись сломя голову в машине в Ньюхевен, чтобы успеть на судно до Дьеппа.

---

³⁵ Кеджери – жаркое из риса, рыбы и пряного порошка карри.

– Жизнь в замке, – объяснила его мать, которая осталась безмятежно гостить до вечера понедельника, – всегда раздражает Фабриса и заставляет его нервничать, бедный мальчик.

Остаток того дня был довольно сумбурным. Мужчины наконец с большим опозданием уехали на охоту, тогда как женщины остались дома и подверглись опросам разнообразных инспекторов на предмет их пропавшего имущества. Конечно, ограбление послужило чудесной темой для разговоров, и никто даже не пытался говорить о чем-то другом.

– Я совершенно не переживаю по поводу бриллиантовой броши. В конце концов, она застрахована, и теперь я смогу купить вместо нее клипсы, что будет во много раз шикарнее. Всякий раз, как вижу клипсы Вероники, мне становится дурно, и к тому же та брошь слишком напоминала мне о моей никчемной старой свекрови. Но самое омерзительное с их стороны – это то, что они взяли мою меховую горжетку. Грабители, похоже, не понимают, что человеку может быть холодно. Ему бы понравилось, если бы я забрала у его жены шаль?

– Да, досадно. Я в бешенстве по поводу своего браслета, заговоренного на удачу, ни для кого другого он не имеет ценности. В самом деле, это слишком, слишком отвратительно. Как раз когда мне удалось достать кусок веревки миссис Томпсон³⁶, я тебе говорила? Роли теперь никогда не выигра-

---

³⁶ Эдит Томпсон была повешена в 1923 г. вместе с любовником за убийство мужа; считалось, что веревка повешенного приносит удачу.

ет Национальный кубок по скачкам, бедняга.

– А у меня пропал мамин медальон, который она носила в детстве. Не могу понять, зачем моя ослица-горничная решила его уложить, обычно она этого не делает.

Эти бесцеремонные женщины стали вполне человечными, оплакивая свои утраченные побрякушки, и теперь, при отсутствии в доме мужчин, они вдруг показались мне гораздо симпатичнее. Я говорю о кордебалете Вероники, ибо сама миссис Чэддсли-Корбетт, так же как и леди Монтдор и леди Патриция, всегда вели себя одинаково в любой компании.

Во время вечернего чая снова появился полисмен со своим велосипедом, утерев носы всем важным детективам, приехавшим из Лондона в сверкающих автомобилях. Он предъявил словно принесенную с дешевого благотворительного базара кучу предметов, которые были сложены грабителями под стогом сена, и почти все мелкие сокровища были вновь с криками радости обретены их владельцами. Поскольку теперь недоставало только ювелирных украшений значительной ценности и чувствовалось, что этой потерей должны заняться страховые компании, вечеринка продолжалась в гораздо более позитивной атмосфере. Я больше не слышала, чтобы кто-то из женщин снова упомянул о краже, хотя их мужья и продолжали бубнить о страховщиках и страховых премиях. В воздухе, однако, витали отчетливо выраженные антифранцузские чувства. Француженки Нора и Нелли, случись кому-то из них в этот момент здесь подвернуться,

встретили бы весьма холодный прием, а Малыш, если и был вообще способен пресытиться какой-то герцогиней, должен был пресытиться именно французской, поскольку все, кроме него, сбежали от пулеметного огня ее вопросов, и следующие два дня ему пришлось провести практически наедине с ней.

Я бесцельно слонялась, как это бывает на многодневных вечеринках в загородном доме, в ожидании следующей трапезы. Пора переодеваться к обеду воскресным вечером еще не подошла. Одной из приятностей пребывания в Хэмптоне в качестве гостя было то, что на стоявшем в Длинной галерее громадном столе в стиле Людовика XV с нарисованной на нем географической картой всегда можно было найти все мыслимые еженедельные газеты. Они были аккуратно разложены рядами и заново перекладывались два или три раза в день лакеем, для которого это было, по всей видимости, единственным занятием.

Мне редко доводилось видеть светские журналы «Татлер» и «Скетч», так как мои тетки считали совершенно непозволительным расточительством подписываться на такие издания, и я жадно глотала старые номера, когда леди Монтдор позвала меня с дивана, где сидела с самого чаепития, глубоко погруженная в беседу с миссис Чэддли-Корбетт. Я и так время от времени поглядывала в их сторону, интересуясь, о чем они могут говорить, жалея, что я не муха на сте-

не, чтобы их слышать, и размышляя о том, что трудно было бы найти еще двух столь различных внешне женщин. Миссис Чэддсли-Корбетт, скрестив маленькие, костлявые, обтянутые шелком ноги, открытые выше колена, скорее примостилась, чем сидела, на краешке дивана. На ней было простое саржевое платье цвета беж, явно сшитое в Париже. Она курила сигарету за сигаретой, вертя их в длинных, тонких белых, сверкающих кольцами пальцев с накрашенными ногтями, ни секунды не посидев спокойно, хотя говорила с великой серьезностью и сосредоточенностью.

Леди Монтдор сидела, плотно прислонившись к спинке дивана и твердо поставив на пол ноги. Она казалась монументальной, неподвижной и солидной, не то чтобы полной, но именно солидной во всех отношениях. Элегантность, даже если она к ней стремилась, вряд ли была бы для нее достижима в том мире, где ее олицетворяла та, другая женщина и не только телосложением, быстрыми и нервными движениями, но и весьма конкретной одеждой. Седые волосы леди Монтдор были коротко острижены, но при этом пушисты, а не уложены гладкой шапочкой, брови у нее росли, как им заблагорассудится, и когда она не забывала подкрасить губы и напудриться, цвет помады не имел значения, а пудра наносилась кое-как. Так что ее лицо, в сравнении с лицом миссис Чэддсли-Корбетт, было как луг в сравнении с лужайкой, а голова выглядела в два раза крупнее, чем изысканная маленькая головка рядом с ней. Но тем не менее смотреть

на нее было приятно. Здоровье и живость придавали ее лицу определенную привлекательность. Конечно, она казалась мне тогда очень старой. Было же ей лет пятьдесят восемь.

– Подойдите сюда, Фанни.

Я была слишком удивлена, чтобы меня встревожил этот призыв, и поспешила к ним, спрашивая себя, к чему бы это.

– Сядьте там, – велела леди Монтдор, указывая на стул, украшенный ручной вышивкой, – и поговорите с нами. Вы влюблены?

Я позволила себе залиться краской. Как они угадали мой секрет? Конечно, я к тому времени была уже два дня как влюблена, с той самой моей утренней прогулки с герцогом Советером. Влюблена страстно, но, как я, безусловно, осознавала, безнадежно. В сущности, то, что леди Монтдор предназначала Полли, приключилось со мной.

– Ну, вот видите, Соня, – торжествуяще провозгласила миссис Чэддли-Корбетт, с нервной стремительностью постукивая сигаретой по украшенному драгоценностями портсигару и прикуривая от золотой зажигалки, а между тем не сводя с моего лица бледно-голубых глаз. – Что я вам говорила? Конечно, влюблена, бедная милашка, только посмотрите на этот румянец. Это должно быть что-то совершенно новое и ужасно надуманное. Знаю, это мой дорогой старый муж. Признайтесь! Меня бы это ни капельки не возмутило.

Мне не хотелось признаваться, что я все еще, после целого уик-энда, не имела ни малейшего представления, который

из множества присутствующих здесь мужей может быть ее мужем, поэтому я поспешно пролепетала:

– О нет, нет, ничей муж, клянусь. Только жених и кроме того такой, обособленный.

Женщины засмеялись.

– Ну, хорошо, – кивнула миссис Чэддсли-Корбетт, – мы не собираемся выпытывать. Вот что нам действительно хочется знать, чтобы разрешить спор: вы всегда мечтали о ком-то, с тех пор как себя помните? Пожалуйста, ответьте честно.

Я была вынуждена признаться, что так оно и было. Еще когда я была совсем малюткой, практически сколько себя помню, какой-нибудь дивный образ был лелеем в моем сердце – последняя мысль перед сном, первая мысль утром. Фред Терри в роли сэра Перси Блэкени, лорд Байрон, Рудольф Валентино, Генрих V, Джеральд дю Морье, чудная миссис Эштон из моей школы, Стирфорд из романа «Дэвид Копперфилд», Наполеон – образ сменял образ. Под конец это был бледный напыщенный молодой человек из Министерства иностранных дел, который однажды во время моего светского сезона в Лондоне пригласил меня на танец. Он показался мне самым цветом космополитической цивилизации и оставался главным пунктом моего существования, пока не был стерт из сердца Советером. Потому что именно это всегда происходило с подобными образами. Время и злое отсутствие затуманивали их, стирали, но никогда до конца не уничтожали, пока какой-нибудь прелестный новый образ не

являлся и не вытеснял их.

– Вот видите, – с триумфом повернулась к леди Монтдор миссис Чэддсли-Корбетт. – От детской коляски и до катафалка, дорогая, я прекрасно это знаю. В конце концов, о чем бы иначе было человеку думать, когда он в одиночестве?

И в самом деле, о чем? Эта Вероника попала не в бровь, а в глаз. Но леди Монтдор она, похоже, не убедила. Я была уверена, что та никогда не питала романтических стремлений и ей было о чем подумать в одиночестве, что, впрочем, вряд ли с ней когда-либо случилось.

– Но в кого же она может быть влюблена? А если это и так, то ведь я должна была бы знать?

Я догадалась, что они говорят о Полли, и миссис Чэддсли-Корбетт подтвердила это, сказав:

– Нет, дорогая, вы бы не знали, ведь вы мать. Когда я вспоминаю бедную мамочку и ее идеи на предмет моих чудачеств...

– Ну, а вот, Фанни, скажите нам, что вы думаете. Влюблена ли Полли?

– Вообще-то, она говорит, что нет, но...

– Но вы считаете, что невозможно ни о ком не мечтать? Вот и я так думаю.

Мне самой было интересно. Мы с Полли накануне ночью долго болтали, растянувшись на моей кровати в халатах, и я была почти уверена, что она чего-то недоговаривает, чего-то, что ей отчасти хотелось бы рассказать.

– Думаю, возможно, это зависит от природы каждого... – с сомнением промолвила я.

– Так или иначе, – сказала леди Монтдор, – одно совершенно ясно. Она не обращает внимания на молодых людей, которых я ей прочу, а они не обращают внимания на нее. Они, конечно, обожают меня, но какой от этого толк?

Миссис Чэддли-Корбетт поймала мой взгляд и, как мне показалось, украдкой подмигнула. Леди Монтдор продолжала:

– Ей скучно, и им скучно. Не могу сказать, что я горю желанием вывезти ее в Лондон, коль скоро она продолжает в таком духе. Она была очень милым, покладистым ребенком, но, кажется, теперь, когда выросла, характер у нее совершенно поменялся. Я не могу этого понять.

– О, она точно упадет на какого-нибудь славного парня в Лондоне, дорогая, – утешила ее миссис Чэддли-Корбетт. – Я бы на вашем месте не слишком беспокоилась. В кого бы она сейчас ни была влюблена – если она влюблена, а нам с Фанни кажется, что это так, – вероятно, это своего рода мечта, и ей нужно просто увидеть каких-то людей из плоти и крови, чтобы о ней забыть. С девушками такое часто случается.

– Да, моя дорогая, все это очень хорошо, но она выходила в свет в течение двух лет в Индии, как вы знаете. Там было несколько очень привлекательных мужчин, игроков в поло и так далее – конечно, неподходящих, так что я была только

благодарна, что она не влюбилась ни в кого из них, но она могла бы влюбиться, это было бы так естественно. Ведь бедная дочка Делии влюбилась в раджу, как вы знаете.

– И я ее совсем не виню, – сказала миссис Чэддсли-Корбетт. – Раджи могут быть просто божественны со всеми своими бриллиантами.

– О нет, моя милая – у любой английской семьи камни лучше, чем у них. Пока я была там, то не видела таких, что сравнились бы с моими. Но этот раджа был довольно привлекателен, должна сказать, хотя, конечно, Полли этого не видела, она никогда не видит. Просто ужас какой-то! Ах, если бы мы были французами. Те, право же, умеют улаживать такие дела гораздо, гораздо лучше. Начать с того, что все наше достояние унаследовала бы сама Полли, а не те глупые люди из Новой Шотландии³⁷, это так неудачно. Вы можете себе представить, что здесь живут колонисты? А во-вторых, мы должны были бы сами найти ей мужа, после чего он и она жили бы то в его доме, с его родителями, то здесь, с нами. Эта древняя французская профурсетка вчера вечером объяснила мне всю систему.

Леди Монтдор была знаменита тем, что подхватывала слова, смысл которых не вполне понимала, и придавала им собственное значение. Она совершенно определенно хотела сказать «старушка». Миссис Чэддсли-Корбетт радостно

---

³⁷ Новая Шотландия – юго-восточная приморская провинция Канады. Столица – Галифакс.

пискнула от восторга и помчалась наверх, сказав, что должна переодеться к обеду. Когда я поднялась туда десять минут спустя, она все еще пересказывала эту новость через дверь ванной комнаты.

Леди Монтдор задалась целью завоевать мое сердце и, конечно, преуспела. Это было не очень трудно: я была юна и пуглива, она – старая и величественная, и требовался только какой-нибудь случайный намек на взаимопонимание, улыбка, проявление сочувствия, чтобы заставить меня думать, что я действительно ее люблю. Дело в том, что у нее было обаяние, а поскольку обаяние, соединенное с богатством и видным положением, почти неотразимо, так случилось, что ее многочисленными ненавистниками являлись обыкновенно люди, которые никогда с ней не встречались или которых она намеренно унижала или игнорировала. Те, кому она хотела понравиться и прилагала к тому усилия, будучи вынуждены признать, что в целом ей нет оправдания, были, однако, склонны говорить так: «...но все равно она очень мила со мной, и я не могу не относиться к ней с симпатией». Она же сама, разумеется, никогда ни секунды не сомневалась, что ее обожают, причем во всех слоях общества.

Перед моим отъездом из Хэмптона утром в понедельник Полли повела меня наверх, в спальню матери, чтобы я попрощалась. Часть гостей отбыла накануне вечером, другие уезжали сейчас, все они катили в громадных, богатых авто-

мобилях, и дом был похож на большую школу, разъезжающуюся на каникулы. Двери спален, мимо которых мы проходили, были открыты, обнажая горы мусора в виде использованных бумажных салфеток и неубранные постели, слуги сражались с чемоданами, а гости торопливо и с превеликим трудом натягивали на себя пальто. Казалось, все вдруг в срочном порядке вдруг ввязались в какую-то борьбу.

Комната леди Монтдор, как мне помнилось еще со старых времен, была огромной, больше похожей на бальную залу, чем на спальню, и украшенной в соответствии со вкусами эпохи ее молодости, когда она была еще невестой. Стены обиты розовым шелком, отделанным белым кружевом, на возвышении покоится грандиозная плетеная кровать с занавесями из розовой переливчатой ткани. Мебель белая, с пухлой розовой атласной обивкой, окаймленной розами из лент. Серебряные вазы для цветов на всех столах и множество фотографий в серебряных рамках, большей частью с изображениями королевских особ. Сердечность надписей на фотографиях была обратно пропорциональна реальной значимости персонажа. Царствующие монархи довольствовались просто именем, данным при крещении, буквой R³⁸ и иногда датой, тогда как изображения бывших королей и королев, эрцгерцогинь и эрцгерцогов были усеяны словами «дражайшей» или «дорогой Соне» и «с любовью», написанными на их шлейфах и форменных брюках.

---

³⁸ R – rex, regina – царствующий король или королева.

В центре всего этого пышного обрамления сидела в кровати леди Монтдор, окруженная массой кружевных подушек, и пила крепкий чай, представляя собой довольно комичную фигуру с жесткими седыми завитыми волосами, облаченная, судя по всему, в куртку от мужской полосатой фланелевой пижамы, на которую был накинут украшенный перьями палантин. Полосатая пижама была не единственным неуместным штрихом в комнате. На кружевном туалетном столике с большим зеркалом из чистого серебра, среди серебряных и эмалевых щеток, флаконов и коробочек с бриллиантовыми монограммами лежала простая черная щетка для волос и баночка кольдкрема «Пондз», а среди изображений членов королевской семьи валялись ржавая пилка для ногтей, сломанный гребень и клочок ваты. Пока мы разговаривали, вошла горничная и, недовольно цокая языком, собралась убрать все эти вещи, но леди Монтдор велела их оставить, так как она еще не закончила.

Ее одеяло было усыпано газетами и распечатанными письмами, в руках она держала газету «Таймс», аккуратно сложенную на рубрике «Придворный циркуляр» – вероятно, единственной части этого издания, в которую она когда-либо заглядывала, поскольку новости, как она говорила, всегда можно собрать по круплицам и в гораздо более занимательном виде от тех, кто их создает. Думаю, ей было приятно, когда она, словно с молитвы, начинала день с сообщения о том, что Мейбл, графиня Эйрли, сменила леди Элизабет Моушн

в качестве фрейлины королевы. Это означало, что мир по-прежнему вертится в соответствии с законами природы.

– Доброе утро, Фанни, дорогая, – сказала она, – полагаю, тебя это заинтересует.

Она протянула мне «Таймс», и я увидела, что наконец-то объявлено о помолвке Линды с Энтони Кресигом.

– Бедные Алконли, – продолжала леди Монтдор тоном глубокого удовлетворения. – Неудивительно, что им это не нравится! Какая глупая девочка, что ж, она всегда такой была, по моему мнению. Совершенно неуместно. Богат, конечно, но ведь это банкирские деньги, они приходят и уходят, и как бы много их ни было, выйти замуж за «все это» – нечто совсем иное...

«Все это» было любимым выражением леди Монтдор. Оно не означало всю эту красоту, этот странный, словно сказочный, дом, расположившийся на пересечении четырех больших аллей, взбегающих по четырем искусственным склонам, упорядоченные пейзажи из деревьев, травы и неба, видимые из его окон, или радость, даруемую сокровищами, которые он содержал, ибо леди Монтдор не была наделена эстетическим чувством и если уж чем-то восхищалась, то восхищалась так, как это делают биржевые маклеры. Она устроила себе в парке маленький садик, скопированный с сада, увиденного на цветочной выставке в Челси, в котором выющиеся розы, незабудки и кипарисы были сгруппированы вокруг итальянского колодца, и часто удалялась сю-

да посмотреть на закат. «Так красиво, что хочется плакать». Она обладала сентиментальностью, свойственной ее поколению, и эта сентиментальность, покрывая душу леди Монтдор, словно зеленый мох, помогала скрывать ее каменную текстуру если не от других, то по крайней мере от самой себя. Она была убеждена, что является женщиной глубоко чувствительной.

«Все это» в ее устах означало положение, связанное с такими весомыми активами, как акры, угольные шахты, недвижимость, драгоценности, серебро, картины, первопечатные книги и другое имущество такого рода. Лорд Монтдор, к счастью, владел колоссальным количеством подобных вещей.

– Впрочем, я никогда и не ожидала, что бедная Линда вступит в достойный брак, – продолжала леди Монтдор. – Сэди, конечно, чудесная женщина, и я прекрасно к ней отношусь, но, боюсь, она не имеет ни малейшего представления о том, как воспитывать дочерей.

Тем не менее не успели дочери тети Сэди высунуть носы из классной комнаты, как их тут же обвенчали, путь даже и не с самыми достойными женихами, и, пожалуй, этот факт немного терзал леди Монтдор, чей ум, по-видимому, был погружен в матримониальные заботы.

Взаимоотношения между Хэмптоном и Алконли были таковы. Леди Монтдор питала раздраженную любовь к тете Сэди, отчасти восхищалась ею за ее цельность и надежность, которых не могла за ней не признать, а отчасти вини-

ла за «несветскость», которую считала неуместной в человеке такого положения. При этом она терпеть не могла дядю Мэттью и называла его сумасшедшим. Дядя Мэттью, со своей стороны, глубоко уважал лорда Монтдора – тот был, пожалуй, единственным человеком на свете, на которого он смотрел снизу вверх, – и до такой степени ненавидел леди Монтдор, что, по его словам, у него руки чесались ее придурить. Теперь, когда лорд Монтдор вернулся из Индии, дядя Мэттью постоянно видел его в Палате лордов и разнообразных организациях графства, которые они оба посещали, и порой, придя домой, цитировал самую банальную его реплику, словно то было высказывание пророка: «Монтдор сказал мне... Монтдор говорит...» Это была истина в последней инстанции, и подвергать ее сомнению представлялось бесполезным: мнение лорда Монтдора по любому предмету мой дядя полагал окончательным.

– Чудесный парень Монтдор. Не представляю, как мы вообще обходились без него в нашей стране все эти годы. Ужасная расточительность отправить его к арапам, когда этот человек так остро нужен здесь!

Он даже нарушил свое правило не посещать дома других людей в пользу Хэмптона.

– Если Монтдор нас приглашает, думаю, нам следует пойти.

– Это Соня нас приглашает, – ехидно поправляла его тетя Сэди.

– Старая волчица. Никогда не пойму, что нашло на Монтдора, когда ему пришло в голову на ней жениться. Видимо, он в то время не осознавал, какая она донельзя ядовитая чертовка.

– Дорогой... дорогой!..

– Чертовски ядовитая. Но если Монтдор приглашает, думаю, надо идти.

Что же касается тети Сэди, то она была всегда такой рассеянной, так витала в облаках, что было нелегко понять, что она на самом деле думает о людях. Но я уверена: хотя ей, похоже, и нравилось в малых дозах общество леди Монтдор, тем не менее она не разделяла дядиных чувств в отношении лорда Монтдора, потому что, когда говорила о нем, в ее голосе всегда звучала нотка пренебрежения.

– В его внешности есть что-то глупое, – говаривала она, когда дяди Мэттью не было рядом, потому что это чудовищно задело бы его чувства.

– Итак, Луиза и бедная Линда пристроены, – продолжала леди Монтдор. – Теперь на очереди вы, Фанни.

– О нет, – возразила я. – Никто никогда на мне не женится. – И в самом деле, я не могла представить, что кому-нибудь этого захочется, я казалась себе гораздо менее интересной, чем другие девушки, которых знала. И я ненавидела свою внешность – круглые розовые щеки и взъерошенные кудрявые черные волосы, которые никогда нельзя было заставить обрамлять лицо шелковистыми прядями. Как бы их

ни смачивали и ни расчесывали, они упорно торчали вверх, как вереск.

– Глупости. И не выходите замуж абы за кого, по любви, – сказала она. – Помните, любовь никогда долго не длится, но если вы выйдете замуж за «все это», тогда оно будет на всю жизнь. Когда-нибудь, не забывайте, молодость пройдет, и подумайте, каково бывает женщине, если она не может купить себе пары бриллиантовых серег. Женщине моего возраста просто необходимы сверкающие бриллианты. А за едой придется вечно сидеть с разными незначительными людьми. И не иметь машины. Не очень приятная перспектива, знаете ли. Конечно, – прибавила она, словно в запоздалом раздумье, – мне повезло, у меня была и любовь наряду со «всеми этим», но такое нечасто встречается, и, когда вам настанет пора выбирать, вспомните мои слова. Думаю, Фанни пора ехать, чтобы успеть на поезд. Когда проводишь ее, Полли, не могла бы ты найти Малыша и прислать ко мне? Я хочу обсудить с ним званый обед на следующей неделе. Ну, до свидания, Фанни. Теперь, раз уж мы вернулись, давайте будем видеться чаще.

Спускаясь по лестнице, мы наткнулись на Малыша.

– Мамочка хочет вас видеть, – с угрюмой серьезностью произнесла Полли, устремляя на него взгляд своих голубых глаз. Он положил руку ей на плечо и принялся массировать его большим пальцем.

– Да, – ответил он, – насчет званого обеда, полагаю. Ты

придешь на него, старушка?

– О, думаю, да, – кивнула она. – Я ведь сейчас выезжаю, как вам известно.

– Не могу сказать, что с большим нетерпением жду этого события. Идеи твоей матери по поводу размещения гостей за столом становятся все туманнее и туманнее. Вчера вечером в столовой царила совершенно сумасшедшая атмосфера, герцогиня до сих пор из-за этого в плохом настроении! Право же, Соне вообще не следует принимать людей, если она не в состоянии обращаться с ними по-человечески.

Подобную фразу я часто слышала из уст моей тети Эмили – правда, в отношении животных.

Вернувшись домой, я, разумеется, не могла говорить ни о чем ином, кроме как о моем пребывании в гостях. Дэви это немало позабавило. По его словам, он никогда не знал, что я такая разговорчивая.

– Но, мое дорогое дитя, – сказал он, – разве ты не была ошеломлена? Советер и эта Чэддсли-Корбетт!.. Гораздо хуже, чем я даже предполагал.

– Ну да, поначалу думала, что умру. Но знаешь, никто не обращал на меня внимания, кроме миссис Чэддсли-Корбетт и леди Монтдор...

– И какое же, позволь поинтересоваться, внимание они на тебя обращали?

– Ну, миссис Чэддсли-Корбетт сообщила, что первым маминым сумасбродством был мистер Чэддсли-Корбетт.

– Это верно, – подтвердил Дэви. – Я совсем забыл про скучного старого Чэда. Но ты же не хочешь сказать, что Вероника прямо так тебе это и вывалила? Я бы не ожидал такого даже от нее.

– Нет, я слышала, как она рассказывала об этом.

– Понятно. Ну а что Соня?

– О, она была со мной мила.

– В самом деле? Это и впрямь зловещая новость.

– Что за зловещая новость? – спросила тетя Эмили, входя

со своими собаками. – На воздухе просто восхитительно, не могу понять, почему вы оба сидите здесь в такой чудесный день.

– Мы сплетничаем о вечеринке, на которую ты так неблагоразумно позволила Фанни поехать. И я говорил, что, если Соня действительно прониклась симпатией к нашей крошке – а, похоже, так оно и есть, – мы должны остерегаться, только и всего.

– Почему остерегаться? – спросила я.

– Соня ужасно любит жонглировать человеческими жизнями. Я никогда не забуду, как она заставила меня пойти к ее врачу. Могу только сказать, что он чуть меня не убил. В том, что я сейчас здесь, с вами, ее заслуги нет. Она слишком неразборчива в средствах, легко привязывает к себе людей с помощью своего обаяния и престижа, а затем навязывает им свои ценности.

– Фанни это не грозит, – с уверенностью заявила тетя Эмили. – Посмотри на ее подбородок.

– Ты всегда говоришь, посмотри на подбородок Фанни, но я не вижу никаких других признаков того, что она самостоятельно мыслящий человек. Эти Рэдлетты заставляют ее делать все, что им заблагорассудится.

– Увидишь, – сказала тетя Эмили. – Между прочим, Зигфрид опять в полном порядке, он хорошо погулял.

– О, прекрасно, – обрадовался Дэви. – Оливковое масло – это вещь.

Они с нежностью посмотрели на пекинеса Зигфрида.

Но мне хотелось вытянуть из Дэви побольше интересных сплетен о Хэмптонах. И я умоляюще попросила:

– Продолжай, Дэви, расскажи еще про леди Монтдор. Какой она была в молодости?

– Точно такой же, как и сейчас.

Я вздохнула.

– Нет, я имею в виду, как она выглядела?

– Говорю тебе, точно так же, – ответил Дэви. – Я знаю ее с тех пор, как был крохотным маленьким мальчиком, и она не изменилась ни на йоту.

– О Дэви... – начала я, но на этом и закончила, поняв, что это бесполезно. Когда имеешь дело со старыми людьми, постоянно натыкаешься на глухую стену; они всегда говорят о ровесниках, что те несколько не изменились, а разве это может быть правдой? Если так, то получается, что все они, вероятно, принадлежат к непривлекательному поколению – вечно иссохшие или, наоборот, толстые и краснощекие, и седые в восемнадцать лет, с узловатыми ладонями, мешками под подбородком, глазами в окружении сеточки морщин. Так сердито думала я, добавляя все эти неприглядные черты к лицам Дэви и тети Эмили, которые сидели рядом со мной, самодовольно полагая, что всегда выглядели одинаково. Совершенно бесполезно обсуждать вопросы возраста со старыми людьми, у них весьма своеобразные представления об этом предмете. «Совсем не старый, всего семьдесят

лет», – слышишь от них или: «Совсем молодой, моложе меня, немногим больше сорока». В восемнадцать лет это выглядит величайшей бессмыслицей, хотя сейчас, в более зрелом возрасте, я начинаю понимать, что все это значило. Потому что Дэви и тетя Эмили, в свою очередь, кажутся мне точно такими же с виду, как были тогда, в моем детстве.

– Кто еще там был? – поинтересовался Дэви. – Дугдейлы?

– О да. Ну разве Рассказчик не чокнутый?

Дэви засмеялся.

– И распутный? – спросил он.

– Нет, должна признать, в общем-то, нет, во всяком случае не со мной.

– Ну, конечно, он не мог быть таким при Соне, он бы не осмелился. Он ведь, знаешь ли, много лет был ее любовником.

– Не может быть! – воскликнула я, заинтригованная. Вот что было изумительно в Дэви, – он знал все обо всех, совсем не так, как мои тетки, которые, хотя и не имели особых возражений против того, чтобы мы, теперь уже подростки, слушали сплетни, сами всегда их забывали, потому что совершенно не интересовались делами людей за пределами собственной семьи. – Дэви! Как она могла?

– Ну, Малыш внешне очень привлекателен. Я бы скорее сказал, как он мог? Но вообще-то говоря, я думаю, что это – любовная связь из чистого удобства, она прекрасно устраи-

вает их обоих. Малыш наизусть знает Готский альманах³⁹ и тому подобные вещи; он как чудесное дополнение к мажордому, а Соня, со своей стороны, дает ему интерес к жизни. Я это вполне понимаю.

Одна радость, подумала я, что такие пожилые люди уже ни на что не способны. Но опять-таки удержала это соображение при себе, потому что знала: ничто так не злит людей, как если их считают слишком старыми для любви, а Дэви и Рассказчик были ровесниками, они вместе учились в школе. Леди Монтдор, конечно, была еще старше.

– Давай послушаем про Полли, – предложила тетя Эмили, – а потом я должна настоять на том, чтобы ты вышла погулять перед чаем. Что, она действительно стала такой красавицей, как обещала Соня?

– Конечно, она красавица, – заметил Дэви. – Разве Соня не всегда добивается своего?

– Вы не можете себе представить, какая красивая, – сказала я. – И до того милая, самая милая из всех, кого я встречала.

– Фанни – такая идолопоклонница, – с улыбкой произнесла тетя Эмили.

– Тем не менее, думаю, насчет красоты это правда, – поддержал меня Дэви. – Даже если оставить в стороне то, что Соня всегда добивается своего, у Хэмптонов и в самом деле

---

³⁹ Готский альманах – самый авторитетный справочник по генеалогии европейской аристократии.

просто изумительная внешность. В конце концов, старушка тоже очень красива. В сущности, мне кажется, она улучшила их породу, добавив ей немного массивности. Сам Монтдор уж слишком похож на шотландскую овчарку.

– А за кого должна выйти эта чудесная девушка? – спросила тетя Эмили. – Это будет следующей проблемой для Со-ни. Не представляю, кто окажется для нее достаточно хорош.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.